

СIII Международная научная конференция

ИССЛЕДОВАНИЯ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

КАЗАНЬ

УДК 005(063)
ББК 65.290-2я43
И88

Главный редактор: *И. Г. Ахметов*

Редакционная коллегия:

Э.А. Бердиев, Ю.В. Иванова, А.В. Каленский, В.А. Куташов, К.С. Лактионов, Н.М. Сараева, Т.К. Абдралилов, О.А. Авдеев, О.Т. Айдаров, Т.И. Алиева, В.В. Ахметова, В.С. Брезгин, О.Е. Данилов, А.В. Дёмин, К.В. Дядюн, К.В. Желнова, Т.П. Жуикова, Х.О. Жураев, М.А. Игнатова, Р.М. Исаков, К.К. Калдыбай, А.А. Кенесов, В.В. Коварда, М.Г. Кологорцев, А.В. Котляров, А.Н. Кошербаева, В.М. Кузьмина, К.И. Курпаяниди, С.А. Кучерявенко, Е.В. Лескова, И.А. Макеева, Е.В. Матвиенко, Т.В. Матроскина, М.С. Матусевич, У.А. Мусаева, М.О. Насимов, Б.Ж. Паридинова, Г.Б. Прончев, А.М. Семахин, А.Э. Сенцов, Н.С. Сенюшкин, Д.Н. Султанова, Е.И. Титова, И.Г. Ткаченко, М.С. Федорова, С.Ф. Фозилов, А.С. Яхина, С.Н. Ячинова

Международный редакционный совет:

З.Г. Айрян (Армения), П.Л. Арошидзе (Грузия), З.В. Атаев (Россия), К.М. Ахмеденов (Казахстан), Б.Б. Бидова (Россия), В.В. Борисов (Украина), Г.Ц. Велковска (Болгария), Т. Гайич (Сербия), А. Данатаров (Туркменистан), А.М. Данилов (Россия), А.А. Демидов (Россия), З.Р. Досманбетова (Казахстан), А.М. Ешиев (Кыргызстан), С.П. Жолдошев (Кыргызстан), Н.С. Игисинов (Казахстан), Р.М. Исаков (Казахстан), К.Б. Кадыров (Узбекистан), А.В. Каленский (Россия), О.А. Козырева (Россия), Е.П. Колтак (Россия), А.Н. Кошербаева (Казахстан), К.И. Курпаяниди (Узбекистан), В.А. Куташов (Россия), Э.Л. Кыят (Турция), Лю Цзюань (Китай), Л.В. Малес (Украина), М.А. Нагервадзе (Грузия), Ф.А. Нурмамедли (Азербайджан), Н.Я. Прокопьев (Россия), М.А. Прокофьева (Казахстан), Р.Ю. Рахматуллин (Россия), М.Б. Ребезов (Россия), Ю.Г. Сорока (Украина), Д.Н. Султанова (Узбекистан), Г.Н. Узаков (Узбекистан), М.С. Федорова, Н.Х. Хоналиев (Таджикистан), А. Хоссейни (Иран), А.К. Шарипов (Казахстан), З.Н. Шуклина (Россия)

Исследования молодых ученых : материалы СIII Междунар. науч. конф. И88 (г. Казань, май 2025 г.) / [под ред. И. Г. Ахметова и др.]. — Казань : Молодой ученый, 2025. — vi, 108 с.

ISBN 978-5-6053318-8-9.

В сборнике представлены материалы СIII Международной научной конференции «Исследования молодых ученых».

Предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов, а также для широкого круга читателей.

УДК 005(063)
ББК 65.290-2я43

ISBN 978-5-6053318-8-9

© Оформление.

ООО «Издательство Молодой ученый», 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ИНФОРМАТИКА

Засухин Н.Д.

Классификация лесов на спутниковых изображениях с помощью
нейронных сетей методом сегментации 1

ЭКОНОМИКА

Гусев Г.С.

Влияние Центрального банка на трансформацию российской экономики . 9

Король В.О.

Актуальные проблемы экономической эффективности использования
ресурсов в Республике Крым 15

Курбонали А.

Формирование открытой экономики Таджикистана в условиях
международной интеграции..... 20

Курбонали А.

Международная интеграция Таджикистана: вызовы открытой экономики.. 26

Олиференко Я.Д.

Анализ сферы общественного питания: этапы, модели и принципы
развития 32

Прокопьева А.С.

Особенности бюджетирования в туристических фирмах..... 36

МЕНЕДЖМЕНТ

Кузнецова К.А.

Совершенствование деятельности лабораторий в университете..... 44

Нестеров А.С.

Определение экономической целесообразности внедрения цифровых
технологий в деятельность кадровых служб органов государственной
власти Российской Федерации..... 49

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

Ковалевская П.П.

Гражданско-правовое регулирование имущественных отношений супругов
в соответствии с российским законодательством 53

Мельник В.А.

Групповые иски как инструмент защиты прав: анализ ситуации
в Республике Беларусь 62

Салдугей М.С.

История и предпосылки закрепления института антиискового запрета
в российском праве 66

Худякова О.Н.

Применение цифровой криминалистики в расследовании коррупционных
преступлений 69

ИСТОРИЯ

Амелина Т.В.

Докладные Уполномоченного Совета по делам Русской православной
церкви по г. Москве и Московской области А.А. Трушина
за 1944–1945 годы как исторический источник 76

ПСИХОЛОГИЯ

Вьюгина В.Н.

Теоретические основы стрессоустойчивости и темперамента в военной
психологии 87

ПЕДАГОГИКА

Мухамедвалиева З.А.

Сохранение национальных нарративов в образовательной системе
Казахстана: языковая политика, роль цифровизации и инновационных
технологий 91

Федосова И.В.

Проектирование программы развития профессиональной компетентности
педагогов ДОО в сфере формирования мотивационной готовности
к обучению в школе 98

ФИЛОЛОГИЯ И ЛИНГВИСТИКА

Krati Saini

The role of medical jargon in doctor-patient communication 103

ИНФОРМАТИКА

Классификация лесов на спутниковых изображениях с помощью нейронных сетей методом сегментации

Засухин Николай Дмитриевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Алешко Роман Александрович, кандидат технических наук, доцент

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова (г. Архангельск)

Рассмотрены возможности создания нейронной сети для классификации лесов (на хвойные и лиственные) на спутниковых изображениях на примере южных районов Архангельской области. Было произведено сравнение работы над данной задачей архитектур U-Net и LinkNet, а также выбрана и протестирована лучшая модель.

Ключевые слова: нейронная сеть, U-Net, LinkNet, классификация, сегментация, спутниковые снимки, PyTorch.

Forest classification in satellite images using neural networks by segmentation method

The paper explores the potential of creating a neural network for classifying forests (coniferous and deciduous) using the satellite images of the southern regions of the Arkhangelsk region. The work on this task was compared between the U-Net and LinkNet architectures, selected the best model and tested it.

Keywords: neural network, U-Net, LinkNet, classification, segmentation, satellite images, PyTorch.

Введение

Активная цифровизация и автоматизация в сфере лесного хозяйства, а также развитие в сфере искусственного интеллекта, открывает новые возможности для использования современных технологий в лесном хозяйстве. В данной статье исследуются возможности применения нейронных сетей для распознавания лесных ресурсов на спутниковых снимках на примере Архангельской области, описывается сравнение двух разных архитектур. А также проводится тестирование обученной модели.

1. Создание набора данных

1.1. Изучение предметной области

В рамках данной работы будет изучаться южные регионы Архангельской области, а именно область с $61,72^\circ$ по $62,55^\circ$ северной широты и с 40° по $41,39^\circ$ западной долготы. В данную область входят территории Ивакшанское, Лепшинское, Лимское, Шалакушское, Мошинское участковых лесничеств. Общая площадь изучаемой территории составляет более 4 тысяч квадратных километров.

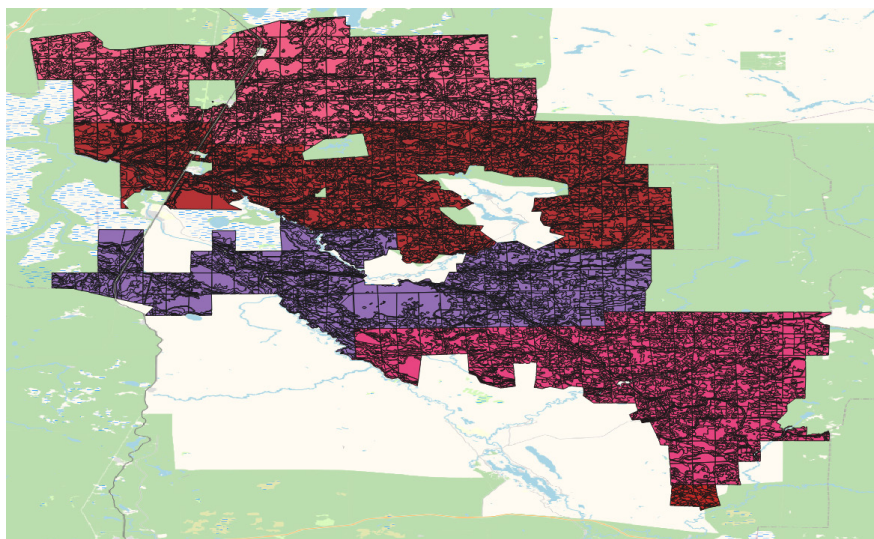

Рис. 1. Изучаемая местность

В качестве основы для разметки использовались данные о лесном составе в Ивакшанское, Лепшинское, Лимское, Шалакушское, Мошинское участковых

лесничествах. Эти данные предоставлены в формате shp-файлов и содержат информацию графическую (разметка выделов), а также текстовая (таблица с данными об выделе). В каждом выделе содержится текстовая информация о составе леса с информацией о преобладающей породе на данной местности. Таким образом, с помощью этих данных можно произвести разметку снимков, ориентируясь на территорию и информацию об преобладающем виде на данной территории.

Фото изучаемой местности предоставлено на рисунке 1. Для работы с этими данными использовалась программа QGIS.

Для изучения данной области будут использоваться снимки со спутника Sentinel-2. Данные снимки имеются в открытом доступе, имеют достаточно высокое разрешение (до 10 метров на пиксель), что позволяет производить работу над ними. [2]

1.2. Создание набора данных

Перейдем к созданию набора данных.

Для проведения исследования необходимо создать набор данных (иначе — датасет), состоящий из космических снимков Архангельской области.

Набор данных создавался на основе трехканальных фотографий Архангельской области, а вернее снимков участковых лесничеств: Ивакшанское, Лепшинское, Лимское, Шалакушское, Мошинское. Использовались фотографии со спутника Sentinel-2.

Для создания датасета были заданы следующие параметры для снимков: выбирались летние даты с июня по август (в период с 2017 по 2021), параметр облачности не должен превышать 20%.

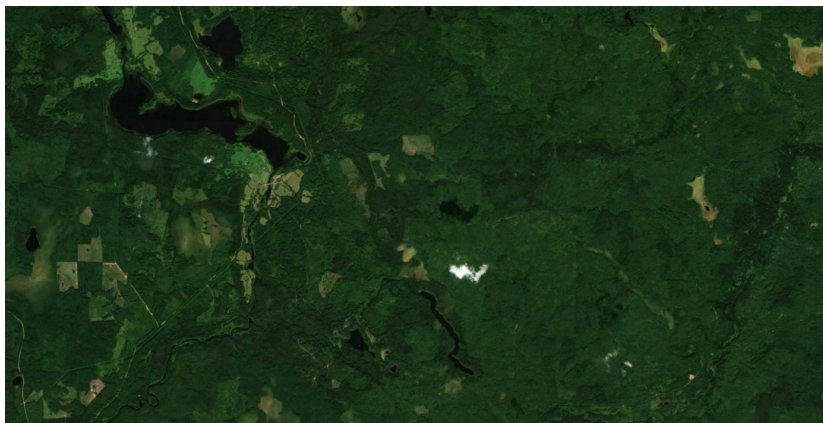

Рис 2. Спутниковый снимок Sentinel-2

Качество снимков: количество метров на пиксель — 14, размер снимка 2500x1200 пикселей.

Пример используемого снимка предоставлен на рисунке 2.

Затем данный снимок нарезается на несколько снимков размером 256x256 пикселей, в качестве ориентиров выступали такие объекты, как болота, озера.

На рисунке 3 предоставлен пример рисунка, полученного в результате нарезки изображения.

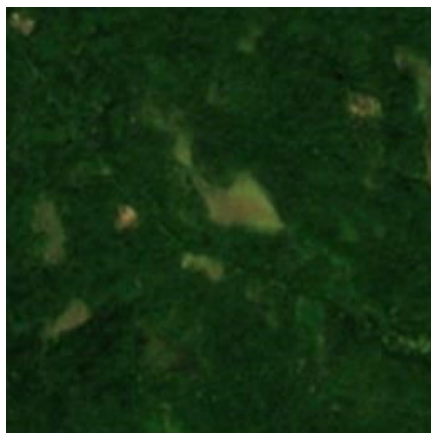

Рис. 3. Пример изображения, используемого для создания разметки

После этого перейдем к разметке данных. Для разметки данных будет использоваться сервис Roboflow.

Для этого создадим в Roboflow рабочее пространство, в рамках которого будем размечать данные. для разметки в сервисе выберем вид «semantic segmentation» и приступим к разметке данных.

Всего будет три класса: background (общий класс для неразмеченных данных, обязательный класс для semantic segmentation), coniferous (хвойные), deciduous (лиственные).

После разметки на выходе мы получаем датасет. Состоящий из изначального изображения и маски (обозначаемая как ground trust — маска с истинными данными).

На рисунке 4 содержится пример изображения с наложенной на него маской.

Набор данных содержит 100 размеченных снимков, весит 1 мб, разрешение снимков 256x256. Данный набор данных обладает достаточным размером для проведения тестов.

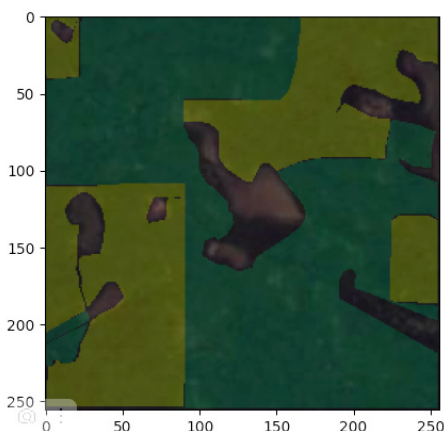

Рис. 4. Снимок с наложенной разметкой данных

2. Разработка нейронной сети

2.1. Метрики, используемые для сравнения

Создадим модель глубокого обучения. Для решения нашей задачи необходимо правильно выбрать модели, с помощью которой будем производить решение нашей задачи.

Для сравнения работы моделей и проверки их работы будем использовать следующие метрики: loss (потери), Mean Intersection over Union — mIoU, ассурасу (точность).

Метрика loss — метрика, что обозначает разницу между «истинным» значением (маской, созданной пользователем) и «предсказанным» значением моделью. Данная метрика показывает, насколько большая разница между предсказанным и истинным значением.

Mean Intersection over Union (mIoU) — это среднее значение IoU — пересечения по объединению, которое высчитывает разницу между областью пересечения «истинного» значения и «предсказанным» значением и областью объединения данных зон.

Для расчета данной метрики используется следующая формула:

$$mIoU = \frac{1}{N} \sum_{i=1}^N \frac{P_i \cap L_i}{P_i \cup L_i} \quad (1)$$

где P_i — множество пикселей, которые сеть отметила, как относящиеся к i -ому классу, L_i — множество пикселей, относящихся к i -ому классу из эталонной разметки, N — число классов. [3, с. 213]

Метрика ассигасы — это соотношение между правильно классифицированными объектами и общим числом объектов. Данная метрика будет считаться путем попиксельного сравнения предсказанного значения с истинным значением (маской).

Для работы данных моделей будет использоваться библиотека segmentation-models-pytorch, которая содержит готовые архитектуры U-net и LinkNet. Данная библиотека работает в связке с библиотекой PyTorch, так как модели, содержащиеся в ней, написаны с применением данной библиотеки. Для работы данных моделей им необходимо задать декодер, что будет подавать получившуюся маску на выходе. В качестве декодера для данных архитектур будет использоваться модель ResNet-34. [1]

Выберем параметры, которые будут изменяться для сравнения: Learning rate (скорость обучения), Epoch (эпоха), Batch size (размер батча). От каждой из этих метрик зависит как скорость обучения, так и его качество.

Сравнение будет проходить по данным метрикам на примере валидационной подборки на лучшей эпохе.

В таблице 1 предоставлены параметры обучения и результаты метрик, значение которых округленно до сотых, на лучшей эпохе.

Таблица 1. **Результаты сравнения моделей U-net и LinkNet на лучшей эпохе**

Номер теста	Learning rate	Epoch	Batch size	loss		mIoU		accuracy	
				U-Net	LinkNet	U-Net	LinkNet	U-Net	LinkNet
1	1e-3	15	32	0,61	1,0	0,3	0,22	0,5	0,49
2	1e-5	15	16	0,41	0,5	0,67	0,33	0,83	0,59
3	1e-5	10	16	0,43	0,78	0,42	0,23	0,58	0,52
4	1e-3	10	8	1,1	0,91	0,28	0,31	0,41	0,54

На трех из четырех тестовых обучений лучший результат показывает архитектура U-Net. Таким образом, можно сделать вывод, что данная модель лучше всего подходит для применения.

3. Обучение и тестирование

После проведения сравнения необходимо обучить модель.

Для обучения модели будут использоваться следующие параметры: Batch size — 16, Learning rate — 1e-5, Epoch — 20, декодер останется тот же — ResNet-34. Сохраняться будут веса на лучшей эпохе.

Проведя обучение, необходимо протестировать получившуюся модель. Чтобы в ходе тестирования выяснить, как модель обрабатывает снимки, будет использоваться изображение с заранее размеченной маской, а для определения качества работы модели используется метрика mIoU. На рисунке 5 представлены результаты тестирования созданной модели.

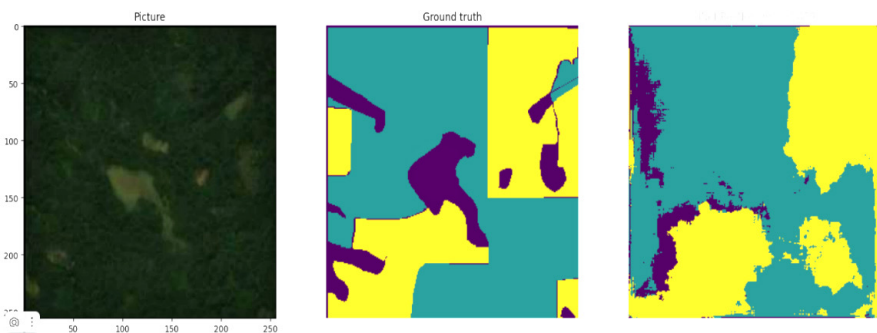

Рис. 5. Результаты проведения тестов для проверки результатов модели

После проведения тестирования модели, показатель mIoU был равен 0,46. Это относительно низкий результат для обученной модели нейронной сети, при этом можно сказать, что это достаточный результат для того, чтобы сделать вывод о том, что применение нейронных сетей для распознавания лесных ресурсов на спутниковом снимке возможно, и о том, что необходимо продолжить развитие проекта для получения лучших результатов.

Заключение

В данной работе была рассмотрена возможность применения нейросетей (искусственного интеллекта) для распознавания лесных ресурсов на спутниковых снимках. В результате, что показывает, что использование нейронных сетей в данных целях возможна, но при этом необходимо улучшить результаты работы полученной модели. Для этого необходимо увеличить размер датасета, добавив к нему больше примеров или произведя аугментацию данных, использовать методы улучшения обучения нейронной модели, такие как fine-tuning, рассмотреть возможность использования иных декодеров и др.

Литература:

1. segmentation-models-pytorch 0.5.0. — Текст: электронный // PyPI: [сайт]. — URL: <https://pypi.org/project/segmentation-models-pytorch/> (дата обращения: 08.05.2025).
2. Sentinel-2. — Текст: электронный // CNES: [сайт]. — URL: <https://cnes.fr/en/projects/sentinel-2> (дата обращения: 08.05.2025).
3. Использование методов аугментации данных в задаче детектирования карьеров при помощи нейронной сети глубокого обучения DEEPLABV3+ / Сорока А. М., Хлебко А. В. — Текст: непосредственный // Компьютерные технологии и анализ данных: материалы II Междунар. науч.-практ. конф. — Минск: БГУ, 2020. — С. 212–215.

ЭКОНОМИКА

Влияние Центрального банка на трансформацию российской экономики

Гусев Георгий Сергеевич, студент магистратуры

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (г. Москва)

В статье автор описывает историю и современные тенденции трансформации российской экономики, анализирует влияние ЦБ РФ на трансформацию экономики в разрезе банковского сектора.

Ключевые слова: банковский сектор, коммерческий банк, Центральный банк.

Экономическое развитие Российской Федерации последних десятилетий характеризуется масштабными преобразованиями, обусловленными переходом от плановой к рыночной экономике, адаптацией к глобальным императивам и поиском новых траекторий роста. Данные трансформации сопровождаются как значительными достижениями, так и вызовами, требующими комплексного аналитического осмысления. В условиях санкционного прессинга, изменений в глобальной торговой конъюнктуре и технологических сдвигов перед экономикой государства стоят задачи обеспечения устойчивого развития, укрепления конкурентоспособности государства на внешних рынках и повышения экономической автономии.

Современная российская экономика начала зарождаться на рубеже 1990-х годов, когда осуществлялись радикальные реформы, направленные на переход к рыночным отношениям. Либерализация цен, приватизация государственной собственности и открытие национального рынка для внешней торговли заложили основу для формирования новых экономических структур. Однако данный процесс сопровождался экономическим спадом, инфляцией и ростом социального расслоения, что затруднило становление стабильной рыночной системы. Период 2000-х годов характеризовался относительной стабилизацией экономики, чему способствовал рост мировых цен на энергоносители,

усиление финансового сектора и проведение структурных преобразований. Тем не менее, зависимость от экспорта сырья оставалась существенной, делая экономику уязвимой к глобальным ценовым колебаниям.

С 2014 года, на фоне геополитической напряженности и санкционного давления, была инициирована активная политика импортозамещения, расширение торговых связей с азиатскими, ближневосточными и латиноамериканскими государствами. Это способствовало переориентации экономики и инвестированию в критически важные сектора. Например, развитие производства сложной техники и оборудования стало приоритетным направлением, что, согласно мнению ряда экспертов, позволит снизить зависимость от импорта в стратегически значимых отраслях. Особенностью современного этапа является усиление государственного участия в экономике. Наблюдается увеличение бюджетных ассигнований на инфраструктурные проекты, поддержку стратегических отраслей и развитие научно-технического потенциала. Государственные корпорации выступают ключевыми исполнителями крупных инвестиционных программ, включая проекты в энергетике, транспорте и оборонной промышленности.

Анализ текущего состояния экономики показывает существенную зависимость от сырьевого сектора. Формирование значительной части бюджетных поступлений за счет экспорта углеводородов и прочих природных ресурсов обуславливает уязвимость экономики к внешним колебаниям. Вместе с тем фиксируется динамика роста несырьевого экспорта, охватывающего агропромышленную продукцию, химическую индустрию и машиностроение, что указывает на постепенное видоизменение структуры экономики.

Значительное влияние на экономическую стабильность оказывают инфляционные процессы и волатильность курса национальной валюты. В 2022 году экономика Российской Федерации испытала резкие изменения и увеличение инфляции, что вызвало необходимость оперативного вмешательства со стороны финансовых институтов. Предпринятые меры включали ужесточение монетарной политики, лимитирование оттока капитала и интенсификацию валютного контроля, что способствовало стабилизации финансовой ситуации. Однако, высокие процентные ставки продолжают сдерживать доступ предприятий и населения к заемным средствам, замедляя инвестиционную активность.

Важным аспектом экономической трансформации остается технологическое развитие, однако его темпы пока не обеспечивают кардинальных сдвигов в экономической структуре. В последние годы наблюдается увеличение инвестиций в информационные технологии, поддержку стартап-проектов и диги-

тализацию, но отставание в ключевых высокотехнологичных отраслях, таких как микроэлектроника, искусственный интеллект и робототехника, продолжает сохраняться. В связи с этим, требуются дополнительные мероприятия для интенсификации технологического роста и уменьшения зависимости от внешних поставок высокотехнологичного оборудования.

Финансовый рынок, осуществляющий ключевую функцию в перераспределении капитала, также претерпел значительные преобразования. Становление банковской системы, фондовых бирж и страховых организаций явилось важным этапом в генезисе рыночных механизмов. Тем не менее, на начальном этапе его эволюции отмечались высокая изменчивость, недостаточное регулирование и значительные риски, что привело к кризисам 1998 и 2008 годов. Преодоление указанных проблем стало возможным благодаря укреплению нормативно-правовой базы и созданию мегарегулятора в лице Центрального банка, что повысило доверие к финансовой системе и обеспечило ее устойчивость.

После 2014 года в российском финансовом секторе начался процесс деофшоризации, направленный на снижение зависимости от зарубежных кредиторов и укрепление национальной финансовой системы. Сегодня финансовый рынок России включает банковский сектор, рынок ценных бумаг, страховые компании и небанковские финансовые организации, что обеспечивает более эффективное распределение капитала между экономическими секторами и поддерживает инвестиционную активность.

Банковский сектор был и остается ключевым элементом в происходящих экономических изменениях. Коммерческие банки обеспечивают кредитование предприятий и населения. После периода финансовой волатильности, обусловленной событиями 2022 года, банками была проведена адаптация к изменившимся условиям, что выразилось в усилении ориентации на внутренние ресурсы. Тем не менее, высокая ключевая ставка Банка России продолжает оказывать давление на стоимость заемных средств, лимитируя доступ к кредитным ресурсам и сдерживая экономическую динамику. В сложившихся обстоятельствах банки вынуждены осуществлять поиск новых подходов для поддержания ликвидности и интенсификации кредитных программ, что обуславливает необходимость пересмотра традиционных бизнес-моделей.

Рассматривая вызовы, стоящие перед банковской отраслью, необходимо принимать во внимание влияние геополитических факторов и санкционного давления. Введенные в 2022 году, резко ужесточенные санкции выступили мощным катализатором преобразований, которые в обычных обстоятельствах могли бы занять значительно более длительный временной период. Данные из

менения затронули все ключевые сегменты экономики, генерируя не только существенные трудности, но и новые возможности для дальнейшего развития.

Отключение российских банковских учреждений от глобальных платежных систем и блокировка золотовалютных резервов потребовали от российских коммерческих банков коренной перестройки системы международных расчетов. В сжатые сроки были разработаны альтернативные механизмы, включая механизм международных расчетов в национальной валюте и создание собственных платежных инфраструктур, что способствовало укреплению роли рубля в международной торговле. В этой связи важным элементом стало ужесточение надзора за банковским сектором, включая стресс-тестирование кредитных организаций на устойчивость к внешним шокам. ЦБ РФ усилил контроль за ликвидностью банков, предотвратив потенциальные кризисы неплатежеспособности. Особое внимание уделялось поддержке системообразующих банков, чья стабильность критически важна для функционирования всей финансовой системы.

В банковском секторе объем кредитования юридических лиц за 2022 год вырос на 14,3%, при этом доля кредитов в национальной валюте увеличилась с 78% до 85%. Система «Мир» к концу 2023 года обслуживала свыше 150 млн карт (70% от общего количества в России), а доля расчетов в рублях во внешней торговле выросла с 12% в 2021 году до 34% в 2023 году, как показано в таблице 1.

Таблица 1. Основные показатели банковского сектора [1]

Параметр	2021	2022	2023	2024
Совокупный капитал банков, трлн руб.	12,1	13,4	14,8	15,9
Кредиты юрлицам, трлн руб.	54,3	62,1	66,7	70,2
Доля рублевых кредитов, %	78	83	85	87
Просроченная задолженность, %	4,1	4,3	4,7	5,0
Количество карт «Мир», млн	100	130	150	165

В целях оказания поддержки реальному сектору экономики было осуществлено выделение 1,5 трлн рублей льготного финансирования (см. таблицу 2) посредством программы кредитования субъектов малого и среднего предпринимательства по процентной ставке, варьирующейся в диапазоне 11–13% годовых. Констатируется увеличение объема выданных промышленных кредитов на 22% в период 2022–2023 годов, при этом отмечается сохранение доли проблемных кредитов в банковской системе на уровне 4,5–5%.

Центральным банком Российской Федерации предпринимались активные действия, направленные на перенаправление внешнеэкономических связей и ослабление зависимости от западных финансовых институтов. Произошло увеличение роли применяемых механизмов расчетов в национальной валюте с контрагентами из азиатского региона, стран Ближнего Востока и других дружественных государств. Данная мера позволила частично нивелировать ограничения, возникшие в связи с отключением от международной межбанковской системы передачи информации и совершения платежей SWIFT, и оказать поддержку внешнеторговым операциям российских компаний. В контексте обеспечения технологического суверенитета Центральным банком осуществлялось содействие развитию национальной платежной системы «Мир» и финансовой инфраструктуры, независимой от зарубежных аналогов. Отмечается акселерация процесса внедрения цифрового рубля, который в будущем может стать значимым инструментом для осуществления расчетов как на внутреннем, так и на международном уровне.

Таблица 2. Меры поддержки реального сектора [1]

Программа	Объем, млрд руб.	Охват
Льготное кредитование МСП	1 500	250 тыс. предприятий
Промышленные кредиты	2 300	1 800 предприятий
Рефинансирование ипотеки	1 200	400 тыс. заемщиков
Субсидирование ставок АПК	450	15 тыс. сельхозпроизводителей

Центральным банком Российской Федерации, в стремлении к нивелированию негативных последствий санкционного давления на отечественный предпринимательский сектор, были имплементированы программы целевого рефинансирования, посредством которых обеспечивается возможность предоставления банками льготных кредитных средств предприятиям, функционирующим в критически значимых отраслях экономики. Приоритетное внимание уделялось поддержке процессов импортозамещения в промышленности, аграрном секторе и сфере информационных технологий. Одновременно с этим регулирующим органом было произведено ослабление требований к уровню достаточности капитала [2] для кредитных организаций, участвующих в финансировании стратегически важных проектов, что способствовало стимулированию притока инвестиций в приоритетные направления развития. Тем не менее, в целях предотвращения аккумуляции проблемной задолженности, были усилены контрольные мероприятия, направленные на обеспечение качества

кредитных портфелей, что позволило избежать масштабного кризиса неплатежей даже в условиях сложной макроэкономической конъюнктуры.

Государственная поддержка, реализованная посредством предоставления льготных кредитов и субсидий, способствовала смягчению негативного влияния санкций на предпринимательскую деятельность. Однако существенная зависимость от сырьевого экспорта и необходимость осуществления дополнительных инвестиций в технологическое развитие остаются серьезными вызовами. Дальнейшая структурная трансформация потребует комбинирования краткосрочных стабилизационных мер с реализацией долгосрочной стратегии, включающей развитие национальных технологических компетенций и углубление интеграционных процессов с дружественными странами, что обеспечит устойчивость экономической модели в долгосрочной перспективе.

Литература:

1. Макроэкономический опрос Банка России // Банк России [электронный ресурс] URL: https://cbr.ru/statistics/ddkp/mo_br/
2. Решение Совета директоров Банка России о временном снижении минимально допустимых числовых значений надбавки поддержания достаточности капитала. // Банк России [электронный ресурс] URL: https://cbr.ru/about_br/dir/rsd_2022-12-29_23_01/
3. Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на 2023 год и период 2024 и 2025 годов // Банк России [электронный ресурс] URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/143773/onfr_2023-2025.pdf
4. Структурные преобразования российской экономики // Банк России [электронный ресурс] URL: https://cbr.ru/StaticHtml/File/158735/wp_125.pdf

Актуальные проблемы экономической эффективности использования ресурсов в Республике Крым

Король Вероника Олеговна, студент

Научный руководитель: Землячев Сергей Викторович, кандидат экономических наук, доцент

Крымский филиал Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева (г. Симферополь)

Статья посвящена комплексному анализу текущего состояния экономики Крыма, выявлению политических и социальных факторов на развитие региона, а также в оценке инвестиционного климата.

Ключевые слова: экономика Крыма, развитие, эффективность, совершенствование, изменения, анализ, инвестиционный климат, курортные ресурсы, туристско-ресурсный потенциал.

Актуальность проблемы экономической эффективности использования ресурсов в Республике Крым обусловлена необходимостью понимания социально-экономических процессов в Крыму в условиях современных вызовов и возможностей, что позволит выработать рекомендации для улучшения инвестиционного климата и повышения жизни населения.

Эффективное развитие Республики Крым считается одной из социально-экономической стабильности страны, повышения её конкурентоспособности в мировом рынке, увеличения благосостояния населения. Комплексная оценка социально-экономического развития Крыма ведется с учетом их индивидуальных особенностей, включающих природно-климатические условия, историческое формирование, состояние различных видов ресурсов, а также наличия экономического, научного, инвестиционного, природоохранного потенциала.

Экономика Крыма формировалась на основе природных и климатических особенностей полуострова. Традиционно роль Крыма в территориальном разделении труда определяли машиностроение, пищевая промышленность, промышленность строительных материалов, производство зерна, подсолнечника, винограда, овощей, фруктов, а также курортное и портовое хозяйство. Такая специализация сложилась благодаря приморскому положению региона, плодородным почвам и теплоте климату, а также рекреационным ресурсам.

В структуре экономики Республики Крым преобладает сектор услуг, на долю которого приходится более 60% валового регионального продукта: торговля —

13%, транспорт и связь — 10%, операции с недвижимостью — 10%, социальный сектор — 10%, госуправление — 8%.

Среди отраслей материального производства ведущее место занимает промышленность (16%), удерживает значительную роль в экономике и сельское хозяйство — 10%.

Наибольшая часть реализованной продукции приходится на предприятия перерабатывающей промышленности — 50,8%, производство и распределение электроэнергии, воды и газа занимает 41,3%, добывающая промышленность — 7,9% [7].

Выгодное географическое положение полуострова предопределило его особую значимость как крупного транспортного и транзитного узла в Черноморском регионе. И на сегодняшний день транспортно-дорожный комплекс Республики Крым представляет собой развитую систему коммуникаций, в состав которой входят 6266,8 км автомобильных дорог общего пользования, 4 морских торговых порта (Керчь, Феодосия, Ялта, Евпатория), две паромные переправы, три аэропорта, железная дорога, эксплуатационная длина которой около 650 км, предприятия автомобильного транспорта.

В то же время крымская инфраструктура на сегодняшний день нуждается в серьезных инвестициях. В настоящее время уделяется повышенное внимание процессам, происходящим в социально-экономической системе Республики Крым. Особо актуальными представляются вопросы, связанные с достижением высоких стандартов качества жизни населения региона и приближением их к среднероссийским значениям, снятием инфраструктурных ограничений, улучшением материально-технической базы отраслевых производств, формированием устойчивых хозяйственных связей с другими регионами России, а также с зарубежными партнерами в условиях жесткой политики экономических санкций [6].

Отличительными особенностями Республики Крым, на основе которых формировалась экономика полуострова, являются: приморское положение региона, плодородные почвы, теплый климат, а также природные и рекреационные ресурсы. Благодаря сложившимся факторам базовыми отраслями региона являются: пищевая промышленность, производство строительных материалов, машиностроение, сельское хозяйство, а также курортная сфера.

За 11 лет экономика Крыма ощутила глобальные перемены после вхождения в состав Российской Федерации, что было связано с решением серьезных проблем: низкой транспортной доступностью региона, недостаточной его обеспеченностью важными природными ресурсами, потерей традиционных рын-

ков сбыта, низким туристическим потоком, практически нулевое строительство, экономическими санкциями.

Проанализировав динамику показателей с 2022 года по I квартал 2025 года, можно с уверенностью сделать вывод о значительном росте промышленного комплекса Республики Крым, показатели приведены в Таблице № 1.

Таблица 1. Динамика основных макроэкономических показателей Республики Крым

Показатель	2022	2023	2024	I квартал 2025
Оборот розничной торговли, млрд руб.	373,2	394,0	474,0	142,2
Валовый региональный продукт, млрд руб.	655,9	722,5	768,1	150,0
Индекс промышленного производства, %	96,5	105,9	103,5	98,9
Туристический поток, млн чел.	6,53	5,20	6,60	0,57
Приток инвестиций в основной капитал, млрд руб.	214,1	215,1	289,3	59,6
Объем строительства, млрд руб.	149,6	160,8	173,7	27,6

Анализируя отраслевую структуру и состояние экономики Крыма, можно сделать вывод, что основными промышленными центрами республики являются Симферополь, Красноперекоск, Армянск, Керчь, Феодосия, на долю которых приходится до 60% объема произведенной в регионе промышленной продукции. Сельскохозяйственным профилем характеризуются Красногвардейский, Джанкойский, Симферопольский районы (около 40% объема произведенной сельхозпродукции в целом по республике). Рекреационная специализация характерна для Ялты, Алушты, Евпатории, г. Саки, аккумулирующих в совокупности до 54% рекреационных учреждений региона [9].

Основным совокупным показателем, характеризующим состояние экономики каждого региона, выступает валовой региональный продукт.

Также, большой вклад в объем ВРП Крыма вносят виды деятельности, напрямую связанные с обеспечением потребностей и обслуживанием туристического потока и отдыхающих в республике.

Сельское хозяйство Республики Крым играет весомую роль в формировании экономики региона, на его долю приходится 10,6% валового регионального продукта. Стратегическим ориентиром развития аграрной сферы явля-

ется создание мощной сырьевой базы для формирования продовольственного комплекса, способного не только удовлетворять потребности населения и отдыхающих в основных видах продовольствия, но и повысить экспортный потенциал традиционных для Крыма отраслей: виноградарства и виноделия, садоводства, овощеводства [5].

С 2022 года были подведены итоги сельскохозяйственной микропереписи. Она охватила более 330 тысяч подворий, среди них агропредприятия разных форм собственности: сельскохозяйственные организации, некоммерческие товарищества, крестьянские (фермерские) хозяйства (КФХ), индивидуальные предприниматели, личные подсобные хозяйства. Сельскохозяйственная перепись показывает, как развивается отрасль, помогает получить точное представление о размерах площадей сельхозкультур, поголовье скота и птиц, а также определить наиболее эффективные направления для дальнейшего развития сельского хозяйства в регионе [4].

Стратегической целью развития Республики Крым является формирование современного международного туристского центра, который будет соответствовать трем основным критериям: круглогодичности, востребованности и конкурентоспособности [2].

В 13 курортных регионах Крыма насчитывается более 780 объектов размещения, в том числе 558 санаторно-курортных учреждений и 222 гостиницы. Каждое четвертое учреждение санаторно-курортного комплекса относится к здравницам, из которых более двух третей — санатории различной специализации. Согласно официальной статистике, регион занимает 2-е место в России по числу мест размещений и 5-е по количеству размещенных туристов.

Особой гордостью Республики Крым с давних времен являются местные здравницы, которые оказывают услуги санаторного лечения, медицинской реабилитации и профилактики заболеваний. В наше не простое время единственной здравницей в Крыму, которая предоставляет медико-психологическую реабилитацию по новейшим медико-технологиям военнослужащим, которые связаны с выполнением специальных задач является федеральное государственное бюджетное учреждение «Военный санаторий «Крым» Министерства обороны Российской Федерации [8].

По итогам 2024 года Крым продолжает увеличивать собственную доходную часть бюджета и развивается темпами, которые опережают даже положительные прогнозы [3]. На сегодняшний день уже нельзя сказать, что Крым — это только туристический, или только сельскохозяйственный регион, потому что в нем развивается все, включая промышленность.

Крым — это динамично развивающийся современный регион, на территории которого сформировано базово взвешенное налоговое законодательство, которое позволяет бизнесу достигать своих целей и модернизироваться [1]. Так, одним из главных достижений ушедшего 2024 года стала стабильность и прогнозируемость налоговой политики.

В бюджет Республики Крым поступило доходов в виде налоговых и неналоговых поступлений в сумме 103,4 млрд руб.

По итогам 2024 года показатели собственных доходов республики являются самыми высокими за 10 лет нахождения Крыма в России. Только лишь по сравнению с 2023 годом налоговые и неналоговые доходы выросли на треть, или на 25,5 млрд руб. [3]

В 2024 году турпоток в Крыму составил 6 млн 60 тыс. туристов, что на 16% выше, чем за 2023 год. По итогам года 74% туристов прибыло в Республику на автомобилях и автобусах, в том числе 63% по Крымскому мосту и 11% через исторические регионы РФ, а также 26% — посредством железнодорожного сообщения [6].

Таким образом, экономическая эффективность в Республике Крым зависит от следующих факторов: достижения среднего уровня доступности социальных услуг, модернизации промышленного производства и развитие новых высокотехнологичных производств в машиностроении, судостроении, химической промышленности, модернизации агропромышленного комплекса, создание высокодоходного туристического сектора, активный рост малого бизнеса в торговле, строительстве, туристическом бизнесе, услугах, создание высокопроизводительных рабочих мест в сервисных отраслях, вхождение оборонных Государственных унитарных предприятий Республики Крым в состав крупнейших российских системообразующих интегрированных структур.

Литература:

1. Налоговый кодекс Российской Федерации (НК РФ) от 31.07.1998 № 146-ФЗ;
2. Закон Республики Крым «О стратегии социально-экономического развития Республики Крым до 2030 года» от 28.12.2026 (в ред. Законов Республики Крым от 30.05.2018 № 502-ЗРК/2018, от 26.12.2022 № 382-ЗРК/2022)
3. Распоряжение Совета министров Республики Крым от 17 октября 2024 года № 1888-р «Об Основных направлениях бюджетной

- и налоговой политики Республики Крым на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов»;
4. Основные итоги сельскохозяйственной микропереписи 2021 года. Статистический сборник /Федеральная служба государственной статистики. М.: ИИЦ «Статистика России», 2022–420 с.
 5. Васютинский И. Ю., Рязанцева М. В., Якушова Е. С. Стратегическое управление специальными экономическими зонами на основе рейтинга эффективности [Текст] // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 3. С. 262–266.
 6. О решениях по итогам совещания об актуальных вопросах социально-экономического развития Республики Крым и города федерального значения Севастополя [Электронный ресурс] // Официальный сайт Правительства Российской Федерации. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/76306> (дата обращения 13.05.2025).
 7. Официальный сайт Службы статистики Республики Крым. URL: <https://82.rosstat.gov.ru/> (дата обращения 13.05.2025).
 8. Официальный сайт ФГБУ «Военный санаторий «Крым» Минобороны России <https://sancrimea.ru/index.php/putevki-mri-mpr/mediko-psikhologicheskaya-reabilitatsiya>
 9. Республика Крым в цифрах. 2023: Крат. стат. сб. / Крымстат — Симферополь, 2024–223 с.

Формирование открытой экономики Таджикистана в условиях международной интеграции

Курбонали Адолат, кандидат экономических наук, декан

Международный университет туризма и предпринимательства Таджикистана
(г. Душанбе, Таджикистан)

В статье рассматривается трансформация экономики Таджикистана в сторону большей открытости. Особое внимание уделено вступлению страны в ВТО, расширению участия в региональных объединениях, а также последствиям интеграции для структуры внешней торговли и экономической устойчивости. Анализируются основные особенности таджикской экономики, включая экспортную специализацию, зависимость от импорта и внешних финансовых потоков, а также ключевые показатели открытости.

Ключевые слова: Таджикистан, открытая экономика, международная торговля, Всемирная торговая организация, внешнеэкономическая интеграция, ШОС, СНГ, экспортная зависимость, импортозависимость, экономическая либерализация, транспортные коридоры, региональная кооперация, глобализация.

Таджикистан за последние десять лет прошёл значимый путь в формировании более открытой экономики. После распада СССР и тяжелого переходного периода 1990-х годов республика постепенно включалась в глобальные экономические процессы. В 2013 году Таджикистан стал членом Всемирной торговой организации, что символизировало его приверженность принципам свободной торговли и международным правилам [1, с. 278]. Кроме того, страна участвует в ряде региональных объединений — от Содружества Независимых Государств (СНГ) до Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Опыт Таджикистана представляет научный и практический интерес, так как с одной стороны, как пример малой открытой экономики с ограниченными ресурсами и без прямого выхода к морю, а с другой — как кейс страны, балансирующей между разными интеграционными направлениями (российско-евразийским, китайско-азиатским, глобально-многосторонним).

Экономика Таджикистана имеет ряд структурных особенностей, определяющих её исходный уровень открытости и уязвимости. Значительная часть населения проживает в сельской местности, а сельское хозяйство обеспечивает примерно пятую часть ВВП. Структура экономики достаточно диверсифицирована по секторам, однако по конкретным товарам и рынкам сбыта наблюдается высокая концентрация. Экономика зависит от экспорта нескольких позиций — прежде всего металлов, алюминия и хлопка, которые совокупно давали свыше 70% экспортной выручки. Такая ограниченная товарная специализация делает страну чувствительной к колебаниям мировых цен на сырьё. В то же время Таджикистан мало экспортирует продукции глубокого передела. Другой особенностью таджикской экономики является её сильная зависимость от внешних ресурсов — как товарных, так и финансовых. С одной стороны, страна вынуждена покрывать значительную часть внутренних потребностей за счёт импорта. Таджикистан является чистым импортёром продовольствия и топлива: например, около 75% продовольствия и до половины сельскохозяйственных ресурсов (семян, удобрений, ГСМ, техники) ввозится из-за рубежа [2, с. 187]. Это связано как с ограниченной производственной базой внутри страны, так и с ростом потребления, превышающим возможности местного производства. Потребление домохозяйств и поступление валюты

во многом зависят от внешней конъюнктуры рынка труда (спроса на рабочих-мигрантов в России и других странах).

Степень открытости таджикской экономики — то есть вовлечённости во внешнюю торговлю — можно охарактеризовать как среднюю либо умеренно высокую. Таджикистан представляет собой государство, где заметна стратегическая привязанность к импорту, с выраженной сырьевой ориентацией экономики, заметным технологическим отставанием и высокой зависимостью от внешних кредиторов. Страна существенно зависит от импорта продовольственных товаров и энергоресурсов. Кроме того, важно отметить, что высокая зависимость от импорта продовольственных товаров и топлива создает уязвимость экономики Таджикистана перед внешними факторами, такими как колебания цен на мировых рынках и изменения в политических отношениях с поставщиками этих товаров. Это означает, что любые изменения в мировой торговле или геополитической обстановке могут серьёзно повлиять на экономическое положение страны и жизненный уровень её населения.

Экспортная квота характеризуется определенным ростом. Если проранжировать торговые связи Таджикистана со странами мира, то экспортирует свои товары Таджикистан в основном в Казахстан, Турцию и Узбекистан, а ввозятся товары в основном из Российской Федерации, Китайской Народной Республики и Казахстана.

Внешнеторговая квота характеризует степень воздействия внешнеторговых связей на общий экономический рост. В общей сложности, экономика Таджикистана имеет большую доступность для стран СНГ, чем для стран, находящихся в Дальнем зарубежье. При этом, считается, что ее критическое значение должно составлять 30%, тогда как в 2023 г. внешнеторговая квота составила уже 69,06%. Коэффициент покрытия экспорта импортом в Таджикистане отражает, во сколько раз объем экспорта меньше объема импорта. Тенденция этого соотношения в целом по стране указывает на улучшение.

Доля чистого экспорта во внешнеторговом обороте страны отрицательна (мера международной конкурентоспособности), из-за значительного преобладания импорта над экспортом. Однако этот показатель также улучшается за счет роста экспорта товаров в последние три года, когда результаты экономических реформ начали давать определенные плоды. Доля экспорта на душу населения страны стабильно растёт, в то время как доля импорта на душу населения снижается. Известно, что, если коэффициент международной конкурентоспособности превышает 0, это обычно свидетельствует о том, что ситуация во внешнеторговой деятельности является благополучной, а также сравнитель-

ная экспортная устойчивость. В случае Таджикистана этот коэффициент отрицательный, однако имеет тенденцию к оптимизации внешнеторговой деятельности. Коэффициент эластичности экспорта по ВВП имеет неустойчивую тенденцию. Если значения данного коэффициента меньше единицы, то экономика страны становится более закрытой. С 2019 г. по 2023 г. коэффициент эластичности экспорта по ВПП стал незначительно расти, экономика страны становится более открытой [3, с. 154].

В исторической ретроспективе степень открытости Таджикистана существенно менялась: в 1990-е гг. из-за спада ВВП и зависимости от импорта показатель превышал 150% ВВП, однако с ростом экономики и сокращением доли торговли он снизился до минимальных ~50% в 2015 году. После 2015 г. наблюдается рост открытости, что совпадает с восстановлением торговли и интеграцией с соседними странами (например, улучшение отношений с Узбекистаном и Кыргызстаном) и мерами по либерализации торговли. В то же время финансовая открытость остаётся ограниченной: приток прямых иностранных инвестиций невелик (обычно 1–3% ВВП в год), а банковский сектор слабо интегрирован в мировые рынки капитала. Тем не менее, присоединение к ВТО в 2013 г. и сотрудничество с международными финансовыми институтами (МВФ, Всемирный банк, АБР, ЕАБР и др.) свидетельствуют о стремлении Таджикистана включиться в глобальные экономические процессы.

Подводя итог, можно отметить, что экономика Таджикистана обладает следующими ключевыми особенностями: монопрофильный экспорт (ограниченный круг сырьевых товаров), высокая импортозависимость по критически важным позициям (продовольствие, энергия), огромная роль внешних трудовых доходов (ремиттансов) в поддержании спроса, а также низкий уровень развития частного сектора. Эти исходные условия определяют, с одной стороны, необходимость международной интеграции (для доступа к рынкам, инвестициям и технологиям), а с другой — уязвимость страны к внешним шокам и зависимость от конъюнктуры партнеров.

После обретения независимости (1991 г.) Таджикистан, как и другие постсоветские республики, начал строить отношения с международными финансовыми и торговыми организациями. Уже в первые годы суверенитета страна присоединилась к МВФ и Всемирному банку (1993–1994 гг.), получая финансовую и экспертную поддержку для стабилизации экономики и реформ. В 1990-е и начале 2000-х годов республика также участвовала в региональных объединениях на постсоветском пространстве: Содружестве Независимых Государств и Евразийском экономическом сообществе. В рамках СНГ был за-

ключён Договор о зоне свободной торговли (2011 г.), который Таджикистан подписал наряду с другими странами Содружества. Это создало правовую основу для беспешинной торговли со многими соседями по региону.

Кульминацией многосторонней интеграции стало вступление Республики Таджикистан во Всемирную торговую организацию. Переговорный процесс длился 11 лет, и в декабре 2012 г. Генеральный совет ВТО одобрил пакет присоединения Таджикистана. Официально страна стала 159-м членом ВТО 2 марта 2013 года. Это событие рассматривается как историческая веха, заложившая основы для устойчивого роста и трансформации в открытую рыночную экономику. Вступление в ВТО потребовало от Таджикистана приведения торгового режима в соответствие с международными правилами: были снижены импортные тарифы (в среднем до 8% по режиму наибольшего благоприятствования), отменены ряд количественных ограничений, приняты законы по защите инвесторов, интеллектуальной собственности и т.д. Членство в ВТО расширило доступ таджикских экспортеров на рынки 160 стран и обеспечило участие в многосторонней системе урегулирования торговых споров. Как отмечалось на церемонии вступления, интеграция в ВТО для Таджикистана стала инструментом стимулирования будущего экономического роста и процветания. Помимо экономических выгод, это повысило международный авторитет страны и свидетельствовало о её готовности следовать мировым стандартам торговли.

Параллельно с глобальной интеграцией, Таджикистан активно участвует в региональных экономических инициативах. С 2001 года республика является членом Шанхайской организации сотрудничества. Хотя ШОС в первую очередь фокусируется на вопросах безопасности, в её рамках также реализуются экономические проекты и инициативы по упрощению торговли и инвестиций (например, развитие транспортных коридоров, сотрудничество в энергетике). Таджикистан, обладая общей границей с Китаем, включён в китайскую стратегию «Один пояс — один путь» с момента её запуска в 2013 г. За последнее десятилетие в рамках инициативы Один пояс один путь страна получила значительные инвестиции в инфраструктуру: Китай профинансировал строительство и реконструкцию автодорог, туннелей, линий электропередачи и других объектов, улучшая связность Таджикистана с соседями. Эти проекты способствовали сокращению транспортных издержек и времени доставки товаров, что уже позитивно сказывается на росте торговых потоков [4, с. 194].

Помимо ШОС, Таджикистан состоит в Организации экономического сотрудничества, региональном объединении стран Центральной Азии, Ирана,

Пакистана и Турции, нацеленном на развитие торговли и транспортных коридоров. В рамках ОЭС и программы Центральноазиатского регионального экономического сотрудничества (CAREC) при поддержке АБР реализуются проекты по улучшению региональной инфраструктуры и упрощению процедур торговли. Таким образом, интеграционная траектория Таджикистана за последнее десятилетие характеризуется сочетанием многосторонней либерализации (вступление в ВТО), разнонаправленного регионального сотрудничества (СНГ, ШОС, ОЭС, улучшение отношений с соседями). Это отражает стремление обеспечить максимальный доступ к внешним рынкам и ресурсам, не потеряв при этом экономический суверенитет и балансируя между интересами крупных держав. Международная интеграция принесла конкретные выгоды: доступ к финансированию инфраструктуры, рост экспорта отдельных позиций, улучшение потребительского рынка за счёт импорта, поддержание экономической стабильности за счёт миграционных доходов. У Таджикистана имеется значительный потенциал роста и интеграционного развития.

Формирование открытой и конкурентоспособной экономики Таджикистана ещё не завершено, а находится в процессе [5, с. 156]. Международная экономическая интеграция дала необходимые стимулы и возможности, но реализовать их страна сможет только параллельно усиливая внутренние основы экономики. В ближайшие годы Таджикистану предстоит решить двойную задачу: с одной стороны, укреплять позиции в глобальной и региональной экономике (наращивать экспорт, участвовать в новых интеграционных инициативах, привлекать инвестиции), а с другой — укреплять внутренние институты и инфраструктуру, чтобы выгодополучателями открытости стали широкие слои населения. Перспективы в целом благоприятны: имея молодое население, богатые ресурсы (особенно гидроэнергетику) и стратегическое расположение, Таджикистан при правильной политике может превратить свою экономическую открытость в устойчивый рост и развитие.

Литература:

1. Каримова, М. Т. Внешнеторговая деятельность Республики Таджикистан: проблемы, перспективы / М. Т. Каримова, А. А. Носирзода // Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС. — 2024. — Т. 15, № 4 (66). — С. 275–284. — EDN JSSSBG.
2. Каримова, М. Т. Глобальная экономическая обстановка и общие условия экономического развития Таджикистана в рамках ШОС /

- М. Т. Каримова // Экономика Таджикистана. — 2022. — № 4–2. — С. 184–189. — EDN JPBGQE.
3. Каримова, М. Т. Перспективы экономического сотрудничества Таджикистана со странами Центральной Азии / М. Т. Каримова, К. Адолати // Экономика Таджикистана. — 2024. — № 1. — С. 152–158. — EDN BCSUTM.
 4. Каримова, М. Т. Таджикистан и ШОС: направления сотрудничества / М. Т. Каримова, А. А. Носирзода // Экономика Таджикистана. — 2024. — № 3. — С. 189–198. — EDN OHOSMG.
 5. Каримова, М. Т. Экономическая интеграция стран Центральноазиатского региона / М. Т. Каримова, К. Адолати // Таджикистан и современный мир. — 2022. — № 2 (78). — С. 150–158. — EDN RGNUHF.

Международная интеграция Таджикистана: вызовы открытой экономики

Курбонали Адолат, кандидат экономических наук, декан

Международный университет туризма и предпринимательства Таджикистана
(г. Душанбе, Таджикистан)

В статье проводится анализ ограничений и вызовов, с которыми сталкивается Таджикистан в процессе формирования открытой экономики. Несмотря на достигнутые успехи в экономической интеграции и высокие темпы роста ВВП, таджикская экономика остаётся уязвимой к внешним шокам из-за транспортной изоляции, зависимости от миграционных переводов, импорта продовольствия и энергоресурсов. Выделены стратегические направления, намеченные в Национальной стратегии развития до 2030 года, включая индустриализацию, развитие гидроэнергетики, логистических коридоров и переход к инновационно ориентированной модели роста.

Ключевые слова: Таджикистан, открытая экономика, международная интеграция, уязвимость, внешняя торговля, миграция, инфраструктура, транзитный потенциал, инвестиции, ВТО, BRI, ШОС, бедность, энергодефицит, конкурентоспособность, человеческий капитал, институциональные реформы, устойчивый рост.

Формирование открытой экономики Таджикистана, несмотря на определённые успехи интеграции и экономического роста сталкивается с рядом серьёзных проблем и ограничений [1, с. 279]. Таджикистан — горная, не имеющая выхода к морю страна, что объективно повышает издержки торговли и ограничивает транспортные возможности. Исторически слабое развитие транспортной инфраструктуры (дорог, железных дорог) и энергодефицит служили «узким местом» для интеграции. Хотя с помощью инвестиций Китая многие дороги были реконструированы, и страна подключилась к новым маршрутам (например, автотрасса Душанбе — Ош, тоннели на трассе к китайской границе, планируемый ЛЭП CASA-1000 для экспорта электроэнергии), всё же стоимость перевозок остается высокой, а пропускная способность границ ограниченной. Отсутствие прямого выхода к морю означает полную зависимость от транзитных коридоров через соседние государства (Узбекистан, Кыргызстан, Казахстан, Китай, Афганистан) для доставки грузов на мировые рынки. Любые сбои или конфликты ведут к перебоям в торговле. Инфраструктура внутри страны — дороги, логистические центры, связь — требует дальнейших инвестиций. Таким образом, физическая связанность с внешними рынками остаётся вызовом, который не решить лишь интеграционными соглашениями без крупных капитальных вложений.

Институциональные проблемы также тормозят полноценное раскрытие преимуществ открытой экономики. Кроме того, экономика страны зависит от внешних источников дохода, прежде всего от трудовых мигрантов. Такая зависимость означает, что любые внешние потрясения напрямую сказываются на макро- и социоэкономической стабильности.

Пандемия 2020 г. продемонстрировала эту уязвимость: закрытие границ оставило многих граждан без заработка, потребовалась поддержка возвращающихся мигрантов. Кроме того, высокая зависимость от импорта продовольствия и топлива делает страну уязвимой к колебаниям цен на мировых рынках и логистическим сбоям. Инфляция в Таджикистане во многом импортируемая; так, рост цен на зерно и энергоносители немедленно бьёт по бюджету домохозяйств. Ещё один аспект — зависимость от внешнего долга и помощи: при ограниченных внутренних ресурсах правительство опирается на займы МВФ, Всемирного банка, ЕАБР и особенно Китая для финансирования проектов.

Несмотря на позитивные стороны интеграции, чрезмерная вовлечённость во внешние процессы без внутренней устойчивости ведёт к уязвимости. Задача — превратить внешние доходы (например, переводы) в инвестиции внутри страны, иначе экономика всегда будет зависеть от конъюнктуры за рубежом.

Открытая экономика требует конкурентоспособности, которая базируется на качестве человеческого капитала и инновациях. Массовая трудовая миграция, помимо поступлений в страну денежных переводов, приносит и негативный эффект — утечку трудоспособного населения, «утечку мозгов». Многие квалифицированные специалисты (врачи, инженеры, IT-кадры) эмигрируют в поисках лучшей оплаты, что обедняет кадровый потенциал страны. Система образования и профессиональной подготовки отстаёт от потребностей современного рынка; бизнес отмечает дефицит специалистов в технических отраслях. Без улучшения этих сфер Таджикистан рискует оставаться на периферии мировой экономики, выполняя роли, не требующие высокой квалификации (поставщик сырья, источник дешёвой рабочей силы). Ключевыми вызовами на пути формирования открытой экономики Таджикистана являются: географические и инфраструктурные ограничения, критическая зависимость от внешних факторов, а также недостаточное развитие человеческого капитала. Все они требуют адресного решения, чтобы интеграция в мировую экономику принесла долгосрочные положительные результаты.

Несмотря на перечисленные трудности, у Таджикистана имеется значительный потенциал роста и интеграционного развития. Правительство и международные организации намечают ряд направлений, реализация которых определит будущее открытой экономики страны.

Согласно Национальной стратегии развития (НСР-2030), поставлена цель кардинально увеличить внутренние доходы населения к 2030 году — более чем в 2–3 раза по сравнению с 2015 г. [2]. Для этого планируется перейти к новой модели роста, основанной на динамичном частном секторе, экспорте и индустриализации. Приоритетными отраслями объявлены: гидроэнергетика (реализация гигантского проекта Рогунской ГЭС, которая после завершения позволит экспортировать электроэнергию в соседние страны), горно-металлургический комплекс (глубокая переработка добываемых руд и выпуск металлопроката вместо вывоза сырья), сельское хозяйство и пищевая промышленность (повышение продуктивности, экспорт фруктов, сухофруктов, текстиля из собственного хлопка), а также развитие туризма и услуг. Введение Рогунской ГЭС и других инфраструктурных объектов снизит издержки бизнеса и привлечёт инвесторов. Достижение этих целей потребует ускорения структурных реформ: повышения эффективности и прозрачности госсектора, улучшения конкуренции и инвестиционного климата, развития торговых связей и финансового доступа.

В сфере торговли особое внимание уделяется реализации транзитного потенциала — Таджикистан стремится стать мостом между Южной Азией (Афганистаном и Пакистаном) и ЕАЭС/Китаем. Проектируемые автодороги и железнодорожные линии (например, потенциальная железнодорожная ветка Китай — Киргизия — Таджикистан — Афганистан — Иран) могут превратить страну из тупиковой в транзитную, что принесёт выгоду от транспортных услуг и откроет новые рынки [3, с. 187].

Последние четыре года рост ВВП превышал 8% ежегодно и ожидает сохранения высокой динамики в ближайшие годы. Если структурные реформы будут продолжаться и инвестиционный климат улучшится, Таджикистан может удерживать такие темпы роста. Главные риски — санкции ЕС России или снижение цен на экспортируемые металлы. Также имеется геополитическая неопределённость в регионе (Афганистан), которая может повлиять на торговлю и проекты. Тем не менее, при базовом сценарии перспективы оцениваются позитивно: ожидается сохранение макроэкономической стабильности, рост доходов населения и дальнейшее сокращение бедности (по прогнозам, национальный уровень бедности снизится с 26% в 2022 до ~21% в 2025 г.) [1].

С точки зрения международной интеграции, у Таджикистана есть несколько потенциальных сценариев.

Продолжение многовекторной политики без формального вступления в блоки. В этом сценарии республика и дальше пользуется преимуществами сотрудничества с разными партнёрами: сохраняет доступ на рынки ЕАЭС через двусторонние соглашения, привлекает инвестиции и кредиты Китая по двусторонней линии, участвует в проектах ШОС и ОЭС, а также использует механизмы ВТО для защиты своих интересов. Такой путь минимизирует политические риски (не требует уступать суверенитет над национальной политикой), но и выгоды от интеграции остаются ограниченными (например, таджикские товары всё ещё сталкиваются с таможенными барьерами на рынках ЕАЭС, а мигранты — с административными сложностями). Тем не менее, судя по практике 2015–2025 гг., именно этот осторожный подход является предпочтительным.

Углубление сотрудничества с Китаем и Югом Азии. В последние годы вырисовывается сценарий более тесной интеграции в экономическое пространство, формируемое Китаем и, возможно, участие в проектах с Южной Азией. Например, успешная реализация энергетического коридора CASA-1000 (поставки электроэнергии из Таджикистана и Кыргызстана в Пакистан и Афганистан) сделает страну важным игроком на региональном энергорынке. Строительство железной дороги в обход труднопроходимых гор к пакистан-

ским портам (через Афганистан) открыло бы таджикским товарам прямой выход к морю. Вступление в проекты вроде Китайско-Центральноазиатского экономического партнёрства может принести инвестиции в промышленность. Здесь перспективы во многом зависят от стабилизации обстановки в Афганистане и готовности инвесторов вкладывать инвестиции и дальше в экономику Таджикистана. Кроме того, Таджикистан уже получает выгоды от BRI, но мог бы еще больше интегрироваться в азиатские цепочки поставок [3, с. 186].

Опора на многосторонние правила. 2 марта 2013 года Таджикистан официально стал членом Всемирной торговой организации. Этот шаг был значительным достижением в его внешнеэкономической политике, символизируя интеграцию страны в глобальную торговую систему. С середины 2000-х годов Китай начал играть все более значительную роль в экономике Таджикистана. Инвестиции из Китая стали ключевыми для развития инфраструктурных проектов, включая строительство дорог, мостов, гидроэлектростанций и других объектов. Таджикистан стал частью инициативы «Один пояс, один путь», что открыло новые возможности для экономического сотрудничества.

Как член ВТО, Таджикистан может воспользоваться правом отстаивать свои интересы через эту организацию, расширять экспорт, используя режим наибольшего благоприятствования на рынках всех членов ВТО. Переговоры о вступлении в ВТО соседнего Узбекистана создадут более единообразные условия торговли в регионе. Также страна может стремиться получить льготные торговые режимы от развитых стран — к примеру, статус бенефициара генеральной системы преференций (GSP+) ЕС, что снизило бы пошлины на таджикские товары в Европе [4, с. 126]. Усиление институционального потенциала позволило бы активнее защищать интересы экспортеров и привлекать инвестиции, пользуясь механизмами Всемирного банка (например, агентство MIGA для страхования рисков).

Важным фактором останется региональная обстановка. Если отношения с Узбекистаном и Кыргызстаном будут стабильными и сотрудничество продолжит расти, Таджикистан сможет значительно расширить свою открытую экономику через региональные проекты — будь то совместные ГЭС, торговые хабы на границах или кооперация в промышленности. Регион Центральной Азии сейчас переживает период активизации экономических связей, и Таджикистан, несмотря на свои ограничения, не останется в стороне [5, с. 154].

Таджикистан, имея молодое население, богатые природные ресурсы (особенно гидроэнергетику) и стратегическое расположение, может превратить

свою экономическую открытость в устойчивый рост и развитие. Реализация цели — удвоения ВВП на душу населения, снижения бедности, выход на новые рынки — потребует последовательной интеграции страны в мирохозяйственные связи, сопровождаемой глубокими внутренними преобразованиями. Опыт последнего десятилетия показывает, что движение в этом направлении возможно и приносит результаты, однако темпы и полнота этого движения зависят от политической воли и готовности к реформам.

Для Таджикистана открытость экономики это средство обеспечить достойное будущее своим гражданам в условиях глобальной взаимозависимости. Международная экономическая интеграция дала необходимые стимулы и возможности, но реализовать их страна сможет только параллельно усиливая внутренние основы экономики.

Литература:

1. Каримова, М. Т. Внешнеторговая деятельность Республики Таджикистан: проблемы, перспективы / М. Т. Каримова, А. А. Носирзода // Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС. — 2024. — Т. 15, № 4 (66). — С. 275–284. — EDN JSSSBG.
2. Национальная стратегия развития Республики Таджикистан до 2030 года // URL [Электронный ресурс]: https://mewr.tj/wp-content/uploads/files/National%20Development%20Strategy-2030_ru.pdf
3. Каримова, М. Т. Глобальная экономическая обстановка и общие условия экономического развития Таджикистана в рамках ШОС / М. Т. Каримова // Экономика Таджикистана. — 2022. — № 4–2. — С. 184–189. — EDN JPBGQE.
4. Каримова, М. Т. Торговая политика Таджикистана в условиях ВТО / М. Т. Каримова // Выход постсоветского пространства из системной кризисной цикличности: императивы международного сотрудничества на базе ЕАЭС в условиях нового витка глобальной нестабильности: Материалы международной научно-практической конференции, Москва, 25–26 июня 2015 года. Том 2. — Москва: Центральный экономико-математический институт РАН, 2015. — С. 124–128. — EDN UWDEYB.
5. Каримова, М. Т. Экономическая интеграция стран Центральноазиатского региона / М. Т. Каримова, К. Адолати // Таджикистан и современный мир. — 2022. — № 2 (78). — С. 150–158. — EDN RGNUHF.

Анализ сферы общественного питания: этапы, модели и принципы развития

Олиференко Ярослав Денисович, студент магистратуры

Научный руководитель: Епифанов Виктор Александрович, доктор экономических наук, профессор

Национальный исследовательский университет «МЭИ» (г. Москва)

В статье автор исследует этапы, модели и принципы развития сферы общественного питания.

Ключевые слова: бизнес, общественное питание, рыночная конкуренция.

Сфера общественного питания является одной из самых динамично развивающихся отраслей экономики. Это система, состоящая из разных предприятий и индивидуальных предпринимателей, которые занимаются производством, продажей и организацией потребления продуктов питания.

Можно выделить следующие этапы в развитии сферы общественного питания, как самостоятельного субъекта экономики:

- Древняя Русь — XVII век. Этап характерен появлением первого доступного всем слоям населения предприятия общественного питания — корчмы (постоялого двора).
- Начало XVIII — середина XIX века. В это время происходит появление трактиров, которые стали родоначальниками современных ресторанов.
- Середина XIX века — 1917 год. Данный этап богат на события: происходит развитие промышленности, технический прогресс, индустриализация, формируется средний класс, появляются кофейные дома, кафе, первые рестораны.
- 1918–1985 годы. Базовым типом предприятия общественного питания становятся рабочие столовые, комбинаты питания и фабрики-кухни.
- 1986–1991 годы. Переход от принципов административно-командной системы к рыночной экономике, появляются бары, закусочные. делается упор на получение быстрой денежной прибыли от продажи продуктов питания.
- 1992 год — настоящее время. Развитие рыночной экономики, конкуренции, диверсификация, индустриализация, бурное развитие торговли и общественного питания, появление сетей кафе, ресторанов.

Рынок общественного питания в России активно развивается в последние годы, темпы роста составляют от 20 до 35% в зависимости от региона.

Аналитики связывают этот рост с увеличением покупательской способности населения, так как всё больше людей предпочитают питаться вне дома, посещая кафе и закусочные.

Рис. 1. Структура рынка общественного питания 2024 г.

Основной рост оборота происходит в сегменте быстрого питания, который является наиболее доступным по цене, и в демократичных форматах среднего ценового сегмента. Например, в России около 80% студентов пользуются услугами общественного питания, что делает выбор столовых в учебных заведениях как места питания студентов вполне логичным. В текущих обстоятельствах при прогнозировании тенденций и направлений развития индустрии общественного питания необходимо учитывать влияние глобального финансового кризиса на покупательскую и инвестиционную активность участников рынка, замедление роста перспективных форматов общественного питания. Кризис также влияет на рентабельность существующих предприятий общественного питания, что может привести к сокращению числа популярных сетевых заведений и дорогих ресторанных концепций.

Основной показатель работы предприятий общественного питания — товарооборот. Валовой товарооборот общественного питания состоит из оборота продукции собственного производства и оборота по реализации покупных товаров. В оценке работы предприятий общественного питания важную роль играет доля продукции собственного производства в товарообороте. Это связано с тем, что главная задача общественного питания — увеличение объёма продаж собственной продукции.

Розничный товарооборот общественного питания включает в себя следующие пункты:

- реализация готовых продуктов и полуфабрикатов собственного производства (блюد, выпечки, кондитерских изделий и хлеба) и приобре-

- тённых товаров за наличные средства, включая доставку обедов на дом и продажу через магазины, отделы кулинарии, палатки, киоски и другие торговые точки, принадлежащие ресторану;
- продажа готовых продуктов и полуфабрикатов собственного производства, а также приобретённых товаров юридическим лицам социального назначения и их обособленным подразделениям безналичным путём;
 - реализация готовых продуктов и полуфабрикатов собственного производства, а также приобретённых товаров рабочим и служащим с последующим удержанием их стоимости из зарплаты;

На сегодняшний день, сфера общественного питания представляет собой упорядоченную систему функционирования и поэтапного развития многообразных бизнес-моделей.

Выделим основные барьеры развития сферы общественного питания:

Во-первых, одним из главных барьеров является недостаток квалифицированных кадров. В условиях быстрого роста и динамичного изменения потребительских предпочтений, недостаток профессионалов, умеющих адаптироваться к новым условиям, существенно тормозит развитие сферы общественного питания. Это связано как с недостатком образовательных учреждений, предлагающих специализированные программы, так и с низким уровнем привлекательности профессий в данной области.

Во-вторых, экономические факторы играют важную роль. Высокие налоги, стоимость аренды помещений, а также цены на сырьё и продукты значительно сокращают прибыльность предприятий общественного питания. В условиях экономической нестабильности предприниматели часто сталкиваются с трудностями в привлечении инвестиций, что в свою очередь ограничивает возможности для расширения и модернизации бизнеса.

В-третьих, законодательные и нормативные барьеры также оказывают значительное воздействие на развитие сферы. Обилие лицензий, разрешительных документов и жесткие санитарные нормы могут затруднить процесс открытия новых заведений. Проблемы с бюрократией, а также частые изменения в законодательстве создают неопределенность для предпринимателей, что влияет на их готовность к вложению средств в развитие бизнеса.

Не менее важным является и изменение потребительских предпочтений. В последние годы наблюдается рост интереса к здоровому питанию и экологии, что вынуждает заведения адаптироваться к новым требованиям. Однако не все предприятия обладают достаточными ресурсами и возможностями

для реализации этих изменений, что становится серьезным барьером на пути к успешному развитию.

На российском рынке общественного питания выделяют две основных тенденции:

- рост спроса на доступный фастфуд и удобную доставку продуктов питания;
- влияние экономической нестабильности на потребительские привычки и покупательскую способность (таблица 1).

Таблица 1. **Динамика изменения индекса потребительских цен**

Год	2023	2024	2025
Показатель	103,41	100,86	102,05

Исходя из таблицы 1, можно сделать вывод, что индекс потребительских цен не является стабильным показателем. На это указывает ряд факторов, такие как: политическая нестабильность, экономические ситуация в мировой экономике, неустойчивость национальной валюты, малая индексация заработной платы сотрудников.

Таким образом, развитие предприятий общественного питания — это процесс, требующий комплекса стратегий и подходов, направленных на адаптацию к быстро меняющимся условиям рынка и потребительским предпочтениям.

Литература:

1. Батраева, Э. А. «Экономика предприятия общественного питания: учебник и практикум для среднего профессионального образования». 3-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2024.
2. Анализ финансово состояния предприятия: учебник для среднего профессионального образования / Т. И. Григорьева — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2024. — 486 с.
3. Магомедов, А. М. Экономика организаций торговли: учебник для вузов / А. М. Магомедов. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — 286 с.
4. Дорман, В. Н. Экономика организации. Ресурсы коммерческой организации: учебник для вузов / В. Н. Дорман; под научной редакцией Н. Р. Кельчевской. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — 122 с.

5. Экономика предприятия: практический курс: учебник и практикум для вузов / под общей редакцией С. П. Кирильчук. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — 492 с.

Особенности бюджетирования в туристических фирмах

Прокопьева Алиса Сергеевна, студент

Научный руководитель: Осипова Алла Александровна, кандидат экономических наук, доцент

Дальневосточный институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Хабаровск)

Для туристических фирм реализация системы бюджетирования является актуальной, но достаточно сложной задачей. В данной статье представлена информация, касающаяся содержания основных бюджетов (БДР, БДС, ББЛ), а также методов их планирования. Бюджетирование является важным инструментом финансового управления, который помогает организациям планировать, контролировать и анализировать свои финансовые ресурсы. Бюджетирование деятельности туристических фирм характеризуется рядом специфических особенностей, и их изучение представляется актуальным по нескольким причинам: динамичность рынка туризма, высокая конкуренция и необходимость оптимизации расходов при управлении финансами и ликвидностью, инвестиции в маркетинг и развитие, учет специфики услуг, анализ показателей и т.д. В условиях современных вызовов, связанных с глобализацией и изменением потребительских предпочтений, грамотное бюджетирование становится ключевым фактором успеха в туристическом бизнесе.

Ключевые слова: бюджетирование, туристическая фирма.

Перспективы развития туристического бизнеса варьируются в зависимости от множества факторов, включая текущую ситуацию в мире, тенденции потребительского спроса, инвестиции в инфраструктуру, политическую и экономическую стабильность, а также социокультурные и экологические аспекты. Важно осознавать, что туризм является динамичной отраслью, которая постоянно приспосабливается к изменяющимся условиям.

Однако нельзя не отметить, что в современных реалиях можно наблюдать за стремительным развитием туризма. Несмотря на большое количество санкций, введенных за последние несколько лет, данная сфера с каждым годом все больше растет, открываются новые агентства, отмечен рост туроператорства в России. Так, по данным Росстата, в 2023 году по сравнению с 2020 годом в нашей стране стало на 1500 туристических фирм больше, из них основной прирост пришелся именно на турагентов.

В связи с повышением интереса к туризму растет и потребность в эффективном бюджетировании фирм данной сферы. Бюджетирование представляет собой важный инструмент финансового управления, который позволяет организациям планировать, контролировать и анализировать свои финансовые ресурсы. Теоретические основы бюджетирования в туристической сфере можно рассмотреть на примере нескольких ключевых аспектов. Поговорим о них ниже.

Итак, бюджетирование — это процесс составления бюджета, который является финансовым планом на определенный период. Основные цели бюджетирования в туристической сфере включают:

- определение финансовых ресурсов, необходимых для реализации туристических услуг;
- планирование доходов и расходов с целью достижения финансовой устойчивости;
- контроль за выполнением финансовых планов и оперативное реагирование на отклонения [4].

С точки зрения отражаемых финансовых показателей бюджет организации обычно включает в себя три основных вида планов: бюджет доходов и расходов (БДР), бюджет движения средств (БДС) и плановый баланс (ББЛ). Их схема представлена на рисунке 1. Каждому из данных планов в управленческом учете соответствует свой отчет.

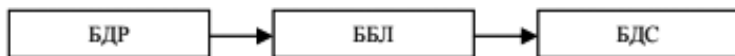

Рис. 1. Основные виды бюджетов туристической фирмы [4, с. 2]

В бюджете доходов и расходов (БДР), как и следует из его названия, отражаются доходы и расходы туристической организации. БДР является основным для ведения учета в организациях и, как правило, состоит из нескольких планов, представленных ниже на рисунке 2.

Рис. 2. Структура бюджета доходов и расходов [4, с. 3]

Все материалы БДР необходимо классифицировать по финансовым центрам ответственности (ЦФО) и типам доходов и затрат, а также связывать их с определенным месяцем. Формат бюджета должен обеспечивать простое сопоставление с отчетом о доходах и расходах, демонстрируя каждый аспект плана в отдельности, а также представлять сводный БДР как на год, так и по каждому месяцу. Дополнительно требуется детализировать бюджетные показатели до уровня перечисления составляющих их доходов и расходов.

Бюджет по балансовому листу (ББЛ) представляет собой планируемый баланс туристической компании на текущий период. Важно отметить, что не все туристические фирмы нуждаются в его составлении: в малых и средних компаниях целесообразнее не выделять этот бюджет отдельно, а учитывать его ключевые показатели в бюджете доходов и расходов (БДР).

Основная цель ББЛ — организовать финансирование мероприятий, отраженных в БДР, чтобы в любой момент у компании были необходимые средства для покрытия планируемых затрат. Этот вид бюджета особенно критичен для туристических организаций с очевидной сезонностью. К примеру, если основной доход планируется летом, а весной ожидаются большие расходы, ББЛ выявляет необходимость искать финансирование, независимое от выручки.

Можно утверждать, что главными пользователями ББЛ являются финансовые специалисты [1]. Если у фирмы несколько юридических лиц, ББЛ стоит вести для каждого из них, так как у каждого свое отдельное представление баланса. В некоторых случаях имеет смысл составлять отдельные ББЛ и для отдельных центров финансовой ответственности (ЦФО).

Бюджет движения средств (БДС) в туристической компании представляет собой итог работы финансового отдела, сформированный на основе выпол-

нения бюджетного контроля в соответствии с бюджетом доходов и расходов (БДР). БДС демонстрирует, как финансисты планируют поддерживать финансовую устойчивость через кредиты, перераспределение ресурсов между юридическими лицами и инвестиции в ценные бумаги. Он также включает стратегию распределения прибыли между владельцами компании. Каждое финансовое движение в БДС должно быть связано с конкретным месяцем и юридическим лицом или центром финансовой ответственности. В малых и средних предприятиях БДС может включать другие показатели, интегрированные в БДР.

Следует отметить, что любой из трех упомянутых типов бюджета может быть получен из двух остальных типов расчетным методом. Если планируемый показатель связан с другим через определенную формулу, можно использовать метод расчета (примером может служить связь между арендной платой и площадью аренды). Если туристическая фирма ведет управленческий учет длительное время, можно применить статистический метод, который основан на анализе данных прошлых периодов. Аналитический метод позволяет прогнозировать показатели, основываясь на известных условиях, а метод экспертных оценок требует привлечения профессионалов для получения прогнозов. Метод нормирования применяется при установлении различных стандартов и может использоваться всеми компаниями, включая новые, хотя его точность ниже. Все эти методы следует использовать в комбинации для повышения точности планирования.

Внедрение бюджетирования в туристической компании требует документального оформления, и проект бюджета может быть составлен как «сверху вниз», так и «снизу вверх».

В первой ситуации директор туристической компании должен поручить руководителям центров финансового управления (ЦФО) подготовить проекты бюджетов для представления специалисту, который будет разрабатывать общий бюджет организации. Лучше всего оформить это поручение в письменной форме, указав конкретный срок для подачи документов. Дедлайн должен быть установлен с учетом времени, необходимого для обобщения представленных бюджетов ответственным лицом. Также крайне важно прилагать формы планирования, на основании которых должны составляться бюджеты ЦФО. В противном случае процесс консолидации может затянуться.

Данный подход требует от руководителей ЦФО навыков планирования, а также готовности к самостоятельному и ответственному выполнению задач. Кроме того, некоторые показатели бюджета одного ЦФО могут зависеть от данных другого, поэтому стоит учитывать порядок предоставления планов [2].

Если недостаточно опытные руководители ЦФО не способны выполнить планирование, может быть применен метод «сверху вниз», где одно ответственное лицо разрабатывает бюджет для всей компании и каждого ЦФО. После составления необходимо согласовать бюджет с руководителями ЦФО и при необходимости внести изменения. Когда проект будет готов, его необходимо утвердить и подписать у директора компании, после чего этот документ становится официальным бюджетом.

Если бюджет турфирмы разрабатывали ее владельцы, он должен быть утвержден непосредственно ими, а не только подписан директором компании. Важно понимать, что собственники могут провести собрание для утверждения его проекта в марте, однако в январе и феврале фирма должна действовать по бюджету, подписанному генеральным директором. Также стоит отметить, что подписанный директором бюджет является его распоряжением, тогда как проект, одобренный собственниками, отражает их волю в отношении управления организацией и должен исполняться всеми сотрудниками. По этой причине выписки из бюджета нужно довести (желательно в письменном виде и под подпись) до всех руководителей соответствующих центров финансовой ответственности.

Говоря о бюджетировании, нельзя не сказать о необходимости применения международного опыта, например опыта Швеции. Эта страна известна своей сбалансированной бюджетной системой, которая сочетает элементы строгой фискальной дисциплины и социальной ответственности.

Рассмотрим основные аспекты бюджетирования в Швеции.

1. Принципы фискальных правил и «бюджетного потолка». Шведская бюджетная система основана на жестких правилах, которые включают «фискальный потолок расходов»: парламент Швеции устанавливает верхнюю границу возможных государственных расходов на три года вперед. Этот «потолок» ограничивает рост государственных расходов и препятствует их чрезмерному увеличению.

Другое правило — «обязательство поддержания бюджетного профицита»: шведское правительство обязуется обеспечивать профицит государственного бюджета в среднем за экономический цикл (около 1% от ВВП). Это позволяет накапливать резервы в периоды экономического роста и использовать их в условиях кризисов.

Эти принципы фискальной дисциплины обеспечивают долгосрочную устойчивость государственных финансов, предотвращая наращивание долга и дефицита.

2. Прозрачность и открытость бюджетного процесса. Одной из важных черт шведской системы является высокая степень прозрачности бюджетного процесса. Все бюджетные предложения и изменения обсуждаются открыто, с активным участием общественности, СМИ и экспертов. Это способствует повышению доверия населения к правительству и его финансовой политике и более эффективному контролю за расходами со стороны парламента и гражданского общества. Система отчетности и аудита в Швеции включает четкие механизмы оценки исполнения бюджета и ответственности за финансовые нарушения.

3. Среднесрочное и долгосрочное планирование. Бюджетный процесс в Швеции ориентирован на среднесрочное и долгосрочное планирование. Бюджет разрабатывается не на один год, а в рамках трехлетнего цикла, что позволяет учитывать возможные колебания экономики и корректировать приоритеты.

4. В Швеции важную роль играет независимость органов, отвечающих за аудит и контроль бюджета: национальный аудиторский офис осуществляет независимую проверку всех государственных финансовых операций и проектов, аудиторские отчеты предоставляются парламенту и общественности, что обеспечивает прозрачность и предотвращает коррупционные риски [3].

Эффективный контроль над бюджетными расходами позволяет государству минимизировать финансовые потери и повышать эффективность государственных программ.

Несмотря на очевидные преимущества шведской бюджетной системы, ее адаптация в России может столкнуться с рядом трудностей. Ключевыми проблемами могут быть:

— Нефтегазовая зависимость экономики России: в отличие от Швеции, Россия сильно зависит от доходов, получаемых от экспорта нефти и газа, что усложняет прогнозирование доходов бюджета. Введение более строгих правил, ограничивающих расходы, может быть сложным в условиях нестабильности на мировых рынках энергоресурсов.

— Централизованная структура управления: шведская модель предполагает значительную децентрализацию и вовлеченность местных органов власти, в то время как в России бюджетный процесс значительно более централизован, что может потребовать серьезных институциональных изменений.

— Необходимость изменения культуры прозрачности: шведский подход, предполагающий бюджетную открытость и публичные обсуждения, требует серьезных культурных изменений в российской системе государственного управления.

Тем не менее адаптация ключевых элементов шведской системы возможна при учете специфики российской экономики и государственной структуры.

Анализируя международный опыт бюджетирования и финансового планирования, стоит отметить современные проблемы их развития в туристической отрасли. К примеру, экономические колебания, вызванные санкциями, изменением валютных курсов и инфляцией, затрудняют долгосрочное финансовое планирование. Помимо всего прочего, множество туристических предприятий зависят от государственного финансирования, что ограничивает их финансовую независимость и гибкость в принятии решений, а негативный инвестиционный климат и высокая степень риска снижают интерес частных инвесторов к туристическим проектам.

Говоря о международном опыте в бюджетировании и финансовом планировании, стоит отметить гибкость и адаптивность: многие страны применяют гибкие подходы к бюджетированию, что позволяет быстро реагировать на изменения экономической ситуации и туристических трендов. Разработка программного обеспечения для управления финансами и бюджетированием значительно упрощает процессы планирования, позволяет проводить анализ данных и прогнозирование.

В международной практике акцент делается на устойчивом развитии туризма, что требует значительных вложений, но в долгосрочной перспективе приносит пользу как экономике, так и экологии. Международный опыт показывает, что успешное развитие туристической отрасли зависит от комплексного подхода, включающего не только финансовое планирование, но и развитие инфраструктуры, маркетинга и обучение кадров.

Сравнивая российский и международный опыт, стоит отметить, что Россия может заимствовать некоторые методы и подходы из практики других стран, адаптируя их к своим условиям. Это включает в себя использование современных технологий, систем анализа данных и программного обеспечения для планирования. Так, в странах Евросоюза набирает популярность проект ZYTLYN Technologies [2]: эта технология с помощью искусственного интеллекта прогнозирует спрос на туристические услуги и помогает принимать эффективные решения для оптимизации операций. Платформа использует глобальные данные: информацию о поездках, макроэкономические, медицинские и событийные показатели. Модель машинного обучения постоянно переобучается и обеспечивает точность при разработке маршрутов, распределении пропускной способности и маркетинговых мероприятиях. Приложение предлагает информацию

в реальном времени, что позволяет предприятиям ориентироваться в меняющихся рыночных условиях и максимизировать рентабельность.

Развитие бюджетирования и финансового планирования в туристической отрасли России требует внимания к специфическим проблемам, с которыми сталкивается страна, и адаптации лучших международных практик. Внедрение современных технологий и обучение кадров могут стать ключевыми факторами успешного преодоления существующих вызовов.

Однако бюджет не стоит воспринимать как неизменный документ. При необходимости его следует корректировать с учетом изменившихся условий, предусмотрев в правилах бюджетирования процедуры внесения изменений и возможности инициирования этого процесса.

Работающие в турфирме финансисты обязаны финансировать мероприятия в рамках утвержденного бюджета, если директор не дал других указаний. При запросах на средства, не включенные в бюджет, необходимо согласование с руководителем. Ему должны предоставляться данные о выполнении бюджета для анализа отклонений от плана.

Правильно организованное бюджетирование упрощает работу руководителей, менеджеров и финансистов, оптимизируя управленческие решения и поддерживая конкурентоспособность компании.

Литература:

1. Морозов М.А. Экономика туризма: учебник для среднего профессионального образования / М.А. Морозов, Н.С. Морозова. — 6-е изд., испр. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2024. — 304 с.
2. Хруцкий, В.Е. Внутрифирменное бюджетирование. Теория и практика: учебник для вузов / В.Е. Хруцкий, Р.В. Хруцкий. — 4-е изд., испр. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2024. — 572 с.
3. Шимко, П.Д. Международный финансовый менеджмент: учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры / П.Д. Шимко. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2021. — 493 с.
4. Мартинсон О.В. Особенности бюджетирования в туристской фирме // Современные тенденции в экономике и управлении: новый взгляд. — 2010. — № 1–2. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-byudzhetrovaniya-v-turistskoy-firme> (дата обращения: 07.05.2025).

МЕНЕДЖМЕНТ

Совершенствование деятельности лабораторий в университете

Кузнецова Ксения Александровна, студент магистратуры

Научный руководитель: Федотова Ирина Юрьевна, кандидат технических наук, доцент

Самарский государственный технический университет

В статье автор исследует возможности повышения эффективности учебной деятельности в университете с помощью оптимизации рабочего пространства. Проводится анализ текущего состояния университета с помощью SWOT-анализа и последующего внедрения японской методологии «5S».

Ключевые слова: лаборатория, SWOT-анализ, методология 5S, стандарт рабочего места.

Развитие учебных лабораторий играет важную роль в повышении качества образовательных услуг университета. Лабораторные работы не только помогают студентам применять полученные теоретические знания на практике, но и способствуют более глубокому пониманию материала. Это, в свою очередь, позволяет студентам лучше усваивать учебный материал и развивать критическое мышление, что является необходимым условием для успешной профессиональной деятельности. Кроме того, хорошо оснащенные лаборатории дают возможность студентам заниматься научно-исследовательской деятельностью и инновационными проектами.

Лабораторные занятия способствуют развитию практических навыков, которые являются важными для будущей профессиональной деятельности. Студенты учатся работать с современным оборудованием, осваивают методики проведения экспериментов и анализа данных, что делает их более конкурентоспособными на рынке труда.

Все перечисленные факторы влияют на имиджевую репутацию университета в целом. Поэтому необходимо проводить своевременную оценку качества лабораторий, выявлять их сильные и слабые стороны, совершенствовать

их оснащение, чтобы соответствовать современным требованиям образовательного процесса и научной деятельности.

Так, для анализа влияния текущего состояния лабораторий на общее состояние университета можно воспользоваться SWOT-анализом.

В соответствии с ГОСТ Р 58771–2019 SWOT-анализ относится к контрольным спискам, позволяющим выявить сильные и слабые стороны, возможности и угрозы проектов, процессов, продуктов и т. п. Его применение помогает определять цели и стратегии развития с учетом возможных рисков [1]. Название данного метода является аббревиатурой:

S (Strengths, Сильные стороны) — внутренние факторы организации, которые дают ей конкурентные преимущества;

W (Weaknesses, Слабые стороны) — внутренние факторы организации, которые могут негативно повлиять на ее деятельность;

O (Opportunities, Возможности) — внешние факторы, которые организация может использовать для достижения целей, направленных на повышение результативности и эффективности своей деятельности;

T (Threats, Угрозы) — внешние факторы, которые могут негативно повлиять на деятельность организации.

Результат общего SWOT-анализа, применимого для оценки лабораторий университета представлен в таблице 1.

Таблица 1. **SWOT-анализ для оценки лабораторий университета**

SWOT-анализ: учебная лаборатория	
Сильные стороны (Strengths): — Наличие квалифицированного персонала; — Современное оборудование и технологии; — Доступ к актуальным научным исследованиям; — Поддержка со стороны университета в виде финансирования и ресурсов.	Слабые стороны (Weakness): — Ограниченное финансирование для обновления оборудования; — Недостаток времени для проведения практических занятий; — Низкий уровень взаимодействия между различными лабораториями; — Отсутствие четкой организации рабочего пространства.
Возможности (Opportunities): — Внедрение методологии «5S» для повышения эффективности работы; — Сотрудничество с промышленностью для получения дополнительных ресурсов;	Угрозы (Threats): — Конкуренция с другими университетами и учебными заведениями; — Изменения в законодательстве, касающемся образования и научной деятельности;

SWOT-анализ: учебная лаборатория	
— Участие в грантах и конкурсах на финансирование научных проектов; — Развитие дистанционного обучения и цифровизация.	— Экономические кризисы, влияющие на финансирование; — Моральное устаревание оборудования и технологий.

SWOT-анализ помогает увидеть возможности для улучшения лабораторий в теории, а для практического улучшения можно воспользоваться методологией «5S».

Системный подход к организации рабочего пространства, наведению порядка и стандартизации таких процессов зародился в Японии в послевоенное время. В тот период японские компании столкнулись с серьезным дефицитом ресурсов, что вынудило их искать эффективные методы управления процессами и оптимизации.

«5S» — пять взаимосвязанных принципов организации рабочего пространства, направленных на снижение потерь, повышение безопасности и удобства в работе [2]:

1. Seiri (яп. — сортировка) — сортировка всех предметов, находящихся в рабочем пространстве, на нужные и ненужные и, соответственно, уборка всех ненужных предметов;
2. Seiton (яп. — соблюдение порядка) — размещение всех необходимых предметов в оптимальном для выполнения их функций месте;
3. Seiso (яп. — содержание в чистоте) — регулярная уборка рабочего места;
4. Seiketsu (яп. — стандартизация) — стандартизация процессов, включающая разработку инструкций и стандартов для выполнения предыдущих пунктов;
5. Shitsuke (яп. — самодисциплина) — поддержание рабочего пространства в порядке в соответствии с разработанными и принятыми стандартами. Этот шаг также переводится как «делать без указаний» [3,4].

В соответствии с данными шагами была проведена реализация методологии «5S» в одной из лабораторий университета, что стало важным шагом на пути к улучшению организации рабочего пространства этой лаборатории. Результаты внедрения отражены в таблице 2.

Таблица 2. Пример внедрения методологии «5S» в лаборатории

№ шага	Наименование шага	Реализованные действия
1	Сортировка	Проведена генеральная уборка лаборатории. Разобрана лабораторная посуда, выброшена посуда, находящаяся в ненадлежащем состоянии. Разобраны методички, учебные пособия и прочая документация по учебному процессу. Материалы и документация, актуальность которых устарела, переданы на уничтожение.
2	Соблюдение порядка	Разработаны стандарты рабочего места. На тумбочки и шкафы нанесены этикетки, отражающие их содержимое. Выделена зона карантина для документации и вещей, необходимость которых нельзя оценить в текущий момент.
3	Содержание в чистоте	Размещены плакаты, информирующие студентов об уборке своих мест после занятия. Для инженера лаборатории определен график уборки не только его физического рабочего места, но и цифрового — персонального компьютера (это включает, например, удаление файлов, содержащих неактуальные версии каких-либо документов).
4	Стандартизация	Разработана документированная процедура системы менеджмента качества о внедрении методологии «5S» в деятельность учебной организации.
5	Самодисциплина	На совещании инженеру лаборатории объяснены цели внедрения методологии «5S», что помогает повысить его вовлеченность и заинтересованность во внедрении методологии.

В ходе внедрения методологии «5S» на шаге «Соблюдение порядка» была предложена форма стандарта рабочего места, представленная на рисунке 1.

Внедрение стандарта рабочего места позволяет повышать производительность сотрудников, так как для каждого предмета, необходимого для работы, определено свое расположение на рабочем месте, что значительно снижает время на поиск нужного предмета.

Таким образом, внедрение методологии «5S» в деятельность лабораторий университета представляет собой важный шаг в повышении качества и эффективности образовательного процесса. Данная методология позволяет не только улучшить условия труда, но и создать более продуктивную и безопасную среду как для сотрудников университета, так и для студентов.

(наименование организации)		Стандарт рабочего места		№ _____		Утверждено (должность) _____ (ФИО) _____ _____ 20 ____ г. (дата утверждения)	
Подразделение		(наименование подразделения)		Рабочее место		(наименование должности)	
Список предметов, находящихся на рабочем месте					Фото рабочего места		
№ п/п	Наименование	Назначение	Количество				

Рис. 1. Форма паспорта рабочего места

Литература:

1. ГОСТ Р 58771–2019 Менеджмент риска. Технологии оценки риска. — Введ. 01.03.2020. — М.: Стандартинформ, 2020–90с.
2. ГОСТ Р 56020–2020. Бережливое производство. Основные положения и словарь. — Текст: электронный // Консультант плюс: [сайт]. — 1997. — URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=OTN&n=11276&yysclid=m48423t1uo748316985#H0XHsVU15qmxusjN> (дата обращения: 26.11.2024).
3. Ушаков О. В., Можяев Е. Е., Закабунина Е. Н. Организация рабочего пространства в условиях бережливого производства по «5S». — ООО ДиректМедиа, 2022.
4. Токарева Е. В. Внедрение системы 5S на предприятии // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. — 2015. — №. 9–1. — С. 157–161.

Определение экономической целесообразности внедрения цифровых технологий в деятельность кадровых служб органов государственной власти Российской Федерации

Нестеров Айсен Сидорович, аспирант

Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова (г. Москва)

В настоящей работе рассмотрено влияние внедрения цифровых технологий на эффективность работы кадровых служб органов государственной власти Российской Федерации. Исследованы тенденции цифровизации в международной практике и отечественном опыте, выявлены ключевые факторы успешного внедрения цифровых решений. Проведена оценка экономической эффективности цифровизации кадровых процессов. Результаты исследования могут быть применены при разработке программ цифровой трансформации кадровых служб органов государственной власти для повышения их производительности и оптимизации затрат.

Ключевые слова: цифровизация, кадровые процессы, государственная служба, эффективность, автоматизация.

Determining the economic feasibility of introducing digital technologies in the activities of human resources services of public authorities of the Russian Federation

Nesterov Aysen Sidorovich, graduate student

Russian University of Economics named after G.V. Plekhanov (Moscow)

The article considers the impact of the introduction of digital technologies on the efficiency of the work of human resources services of public authorities of the Russian Federation. The trends of digitalization in international practice and domestic experience, the key factors of successful implementation of digital solutions are identified. The economic efficiency of digitalization of personnel processes has been assessed. The results of the study can be applied in the development of programs of digital transformation of human resources services of public authorities. transformation of human resources services of public authorities to increase their productivity and optimize costs, productivity and cost optimization.

Keywords: digitalization, personnel processes, public service, efficiency, automation.

Введение

Цифровизация кадровых процессов приобретает ключевое значение для повышения эффективности функционирования органов государственной власти. В условиях стремительного технологического прогресса, глобальной конкуренции за квалифицированные кадры и необходимости повышения прозрачности и результативности государственного управления цифровизация и автоматизации кадровых процессов становится одним из важнейших факторов повышения производительности труда, оптимизации издержек и качества предоставляемых государственных услуг [1]. Тем не менее внедрение цифровых технологий сопровождается не только возможностями, но и рядом вызовов: недостаточной методической базой, дефицитом квалифицированных специалистов, высокими первоначальными затратами на модернизацию информационных систем, а также рисками нарушения кибербезопасности. Целью исследования является проведение оценки экономической целесообразности цифровизации кадровых служб и выявление эффективных путей ее реализации, способных обеспечить достижение устойчивых позитивных изменений.

Обзор применения современных цифровых технологий в кадровых службах

Мировая практика демонстрирует стремительное развитие цифровых технологий в сфере управления персоналом. Искусственный интеллект (ИИ) активно применяется для автоматизации подбора персонала, прогнозирования текучести кадров, оптимизации процессов обучения и развития. Облачные технологии обеспечивают доступность данных в режиме реального времени, снижение затрат на инфраструктуру и повышение гибкости рабочих процессов. Инструменты HR-аналитики позволяют принимать более обоснованные кадровые решения на основе анализа больших данных. Кроме того, технологии блокчейн находят применение для безопасного хранения данных о сотрудниках и верификации их данных.

Состояние цифровизации кадровых процессов в России

В Российской Федерации уровень цифровизации кадровых процессов отличается в зависимости от уровня власти и региона. На федеральном уровне наблюдается частичная автоматизация процессов найма, учета рабочего времени, управления обучением и развитием. В то время как на региональном уровне эти процессы зачастую остаются на начальной стадии. Ключевыми барьерами на пути цифровизации являются высокий износ существующей ИТ-инфраструктуры, недостаточное финансирование, недостаток квалифициро-

ванных специалистов, а также фрагментированность информационных систем, что затрудняет их интеграцию и централизованное управление.

Влияние цифровизации на эффективность и производительность

Внедрение цифровых технологий позволяет существенно повысить эффективность кадровых служб. Автоматизация рутинных операций способствует сокращению административных издержек на 20–40%, снижению времени на подбор персонала на 30–50%, повышению удовлетворенности сотрудников благодаря удобству самообслуживания через цифровые платформы. Использование искусственного интеллекта позволяет повысить качество найма, оптимизировать затраты на обучение персонала, а внедрение систем управления обучением (LMS) обеспечивает персонализированное развитие компетенций сотрудников.

Оценка экономической эффективности внедрения цифровых технологий

Экономическая эффективность цифровизации кадровых процессов оценивается через ряд показателей: сокращение времени выполнения кадровых процедур, снижение затрат на найм и обучение, повышение производительности труда, снижение текучести кадров, повышение удовлетворенности сотрудников. Кроме прямых финансовых эффектов, важную роль играют и косвенные выгоды: рост прозрачности процессов, снижение рисков нарушений законодательства, улучшение репутации государственной службы и повышение привлекательности для квалифицированных кандидатов.

Рекомендации по дальнейшему развитию

Для успешного продолжения цифровизации кадровых процессов в органах государственной власти Российской Федерации рекомендуется:

- увеличение финансирования в обновление ИТ-инфраструктуры и программных решений;

- развитие компетенций сотрудников через программы цифрового обучения и переподготовки;

- внедрение комплексных платформ цифрового кадрового администрирования;

- укрепление межведомственной координации для унификации подходов к цифровизации;

- применение принципов модульности и масштабируемости при внедрении новых решений.

Заключение

Таким образом, цифровизация кадровых процессов в органах государственной власти Российской Федерации является объективной необходимо-

стью в условиях современных требований к эффективности и прозрачности государственной службы. Результаты исследования показывают, что при правильной реализации цифровизация кадровых служб может привести к существенным экономическим эффектам, оптимизации процессов и повышению уровня удовлетворенности сотрудников. Развитие цифровых технологий в кадровой работе требует системного подхода, комплексного планирования и эффективного управления изменениями, что должно стать приоритетом на ближайшую перспективу.

Литература:

1. Tyagi, Pallavi et al., eds. The Adoption and Effect of Artificial Intelligence on Human Resources Management. Part B. United Kingdom: Emerald Publishing, 2023. 218 p.
2. Антошин В.А., Барышникова К.А. Развитие бренда государства как работодателя в контексте отбора кадров на государственную гражданскую службу Российской Федерации // Молодой ученый. 2022. № 23 (418). С. 493–497.
3. Асриянц К. Г. Государственная служба в российской федерации: эффективность подбора и управления кадрами // Прикладные экономические исследования. 2023. № 4. С. 145–152.
4. Гладкова Л.А., Жабина А.А. Цифровизация управления кадрами в системе государственного и муниципального управления // Экономические преобразования: теория и практика. 2022. № 1 (3). С. 20–26.
5. Леонова Е. В. Организационно-управленческие ресурсы в развитии цифрового государственного управления в Российской Федерации // Экономика и бизнес: теория и практика. 2022. № 7 (89). С. 120–123.
6. Пшибыльский Д. Ю. Тенденции влияния цифровизации на совершенствование кадровой работы в современных условиях // Евразийский юридический журнал. 2023. № 5 (180). С. 490–491.
7. Шамарова Г.М. Цифровизация управления персоналом: особенности использования интернет-порталов // Вопросы региональной экономики. 2023. № 3 (56). С. 143–150.

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

Гражданско-правовое регулирование имущественных отношений супругов в соответствии с российским законодательством

Ковалевская Полина Павловна, студент магистратуры

Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет
(г. Челябинск)

В настоящей статье рассматриваются актуальные проблемы регулирования имущественных отношений супругов в российском праве. Анализируются факторы, определяющие значимость указанной проблематики, такие как увеличение числа разводов, сложности в определении порядка пользования совместно нажитым имуществом, недостаточность использования института брачного договора и необходимость усиления защиты интересов несовершеннолетних детей. Подчеркивается важная роль семейного законодательства и отмечается специфика регулирования семейных отношений гражданскими нормами. Особое внимание уделено различным позициям ученых-юристов относительно состава общего имущества супругов и особенностей режима общей совместной собственности. Авторы делают вывод о необходимости дальнейшего совершенствования нормативной базы, способствующей укреплению стабильности и справедливости в сфере семейных имущественных отношений.

Ключевые слова: имущественные отношения супругов, семейное законодательство, брачный договор, общее имущество, раздельная собственность, судебная практика, защита интересов несовершеннолетних, Гражданский кодекс РФ, семейные правоотношения, общая совместная собственность.

Актуальность темы регулирования имущественных отношений супругов определяется влиянием имущественных прав и обязанностей на личные интересы супругов и права третьих лиц, появлением новых правовых явлений, ростом числа разводов, необходимостью защиты интересов несовершеннолетних детей и низкой популярностью брачных договоров. Это подчеркивает зна-

чимость проблемы для семейных отношений и необходимость совершенствования законодательства.

Брак в российском праве признается законным лишь при регистрации в органах ЗАГС, является добровольным и основанным на равенстве супругов. Основные принципы семейного законодательства включают добровольность заключения брака, равенство супругов, решение внутрисемейных вопросов по взаимному согласию, приоритет семейного воспитания детей и защита прав несовершеннолетних и нетрудоспособных членов семьи.

Кроме того, Семейный кодекс подчёркивает важность защиты государством семьи, материнства, отцовства и детства.

Семейное право базируется на нескольких ключевых принципах. Во-первых, это принцип семейной автономии — семьи вправе самостоятельно управлять своими делами, принимая решения касательно брака, развода, воспитания детей и распоряжения имуществом. Далее идет принцип равноправия и недискриминации, согласно которому каждый член семьи обладает одинаковыми правами и обязанностями, независимо от пола, возраста, расы, национальной принадлежности и вероисповедания. Важнейшим является также принцип защиты интересов ребенка, предусматривающий первоочередное внимание к нуждам и правам детей, защиту их безопасности и благосостояния. Гуманизм и справедливость в семейных отношениях требуют учета специфики внутрисемейных связей и мирного разрешения споров между супругами. Свобода выбора супруга означает возможность каждого человека самому определять свою судьбу, вступая в брак добровольно, без давления извне. Обязательность исполнения принятых в семье обязательств заключается в соблюдении условий заботы о детях, финансовой поддержки и ответственности перед партнером. Конфиденциальность личных сведений обеспечивается защитой частной жизни семьи и ее членов от постороннего вмешательства. Наконец, важным аспектом выступает защита от насилия в семье, предполагающая эффективные правовые механизмы предотвращения жестокого обращения и поддержку потерпевших.

Регулирование семейных правоотношений гражданским правом допустимо, если отношения членов семьи не охвачены семейным законодательством или урегулированы частично. Таково требование статьи 4 Семейного кодекса РФ (СК РФ).

Гражданское законодательство применяется к семейным отношениям двумя путями: либо когда СК РФ прямо предусматривает применение конкретных норм Гражданского кодекса РФ (ГК РФ) или иных гражданско-правовых актов, либо если отношения между членами семьи не урегулированы специали-

зированными семейно-правовыми нормами, но имеются подходящие гражданско-правовые нормы.

Пример, когда СК РФ прямо предусматривает применение норм ГК РФ, — дело о недействительности брачного договора. «Тимирязевский районный суд Москвы указал, что на требования о недействительности брачного договора, возникшие из семейных отношений, срок исковой давности не распространяется. Суд признал брачный договор недействительным в соответствии с п. 2 ст. 44 СК РФ, после чего общее имущество было разделено между супругами в равных долях» [2].

Пример, когда отношения между членами семьи не урегулированы специализированными семейно-правовыми нормами, но есть подходящие гражданско-правовые нормы, — дело о взыскании неосновательного обогащения с сожителя. В таком случае истцы используют два вида исков: о признании права собственности на долю в общем имуществе и разделе имущества, а также о взыскании неосновательного обогащения [3].

Дело о строительстве дома после разрыва гражданского союза иллюстрирует сложность взаимоотношений семейного и гражданского права. Мужчина потратился на постройку жилья на участке своей бывшей гражданской жены, надеясь компенсировать расходы судом. Суд первой инстанции отклонил требования истца, поясняя добровольность понесённых затрат и отсутствие правовых обязательств сторон. Это подчёркивает важность принципов семейного права, закреплённых в Семейном кодексе РФ, согласно которым специальные семейные нормы имеют приоритет над общегражданскими правилами, если они применимы к конкретной ситуации. Таким образом, хотя Гражданский кодекс регулирует многие аспекты имущественных отношений, семейное законодательство обладает автономностью и устанавливает особые принципы владения имуществом супругов, включая общую совместную собственность, основанную на равенстве прав независимо от фактического вкладчика в приобретение активов.

В.А. Рясенцев и М.Г. Масевич полагают, что в совместную собственность супругов закон включает имущественные права, но никак не обязательства (долги). Они отмечают, что в обязанности права собственности не входят, а понятие нажитого имущества не включает долги: «Нажитое — то, что приобретено, получено, а не долги» [4].

Л.М. Пчелинцева, В.А. Тархов, О.А. Кабышев, в свою очередь, считают, что в состав совместной собственности включают весь имущественный массив, в том числе право требования и обязательства (долги) супругов [5].

О.С. Иоффе считает, что единственным правовым основанием возникновения общей совместной собственности супругов является зарегистрированный брачный союз [6].

Е.А. Чефранова полагает, что общим имуществом супругов является всё имущество, нажитое в совместном браке: доходы каждого супруга от трудовой, предпринимательской и иной не запрещённой законом деятельности [4].

М.В. Антокольская в своём учебнике по семейному праву указывает на необходимость включения в совместное имущество супругов их общих долгов [7].

Возникновение совместной собственности обусловлено несколькими юридическими обстоятельствами. Прежде всего, общая совместная собственность супругов возможна лишь при условии официально зарегистрированного брака. Регистрация обязательна, поскольку проживание вместе без оформления отношений юридической силы не имеет и не влечет возникновение совместной собственности.

К имуществу, составляющему общую совместную собственность супругов, относятся вещи и объекты, приобретённые ими в период нахождения в официальном браке. Неважно, кто конкретно вносил деньги или чьи имена указаны в официальных документах. Исключением являются ситуации, оговорённые семейным законодательством.

Также имущество, принадлежавшее каждому из супругов до вступления в брак, переходит в категорию общей совместной собственности, если за время семейной жизни в результате совместных вложений (например, капитального ремонта, реконструкции) была увеличена его рыночная стоимость.

Помимо общих правил, предусмотрен механизм изменения установленного законом режима собственности путем заключения брачного договора. Супруги могут договориться о любом порядке владения и пользования имуществом, в том числе определить доли или сделать раздельной собственность на конкретные объекты или категории имущества.

Рассмотрим примеры из судебной практики, иллюстрирующих изменение установленного законом режима собственности путём заключения брачного договора.

«Апелляционное определение Московского городского суда от 18.03.2020 по делу № 33–10778/2020. Суд отказал в признании недействительным брачного договора, по условиям которого квартира, приобретённая супругами, перешла в собственность жены, а малоликвидный земельный участок без каких-либо построек — мужу» [8].

Солнечногорский городской суд Московской области решил, что несмотря на условия брачного договора о долевой собственности при недостойном поведении одного из супругов, развод по взаимному согласию означает равный раздел имущества между бывшими супругами.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ подтвердила, что избранное сторонами брачного договора иностранное законодательство применяется для регулирования их имущественных отношений, даже если один из супругов является гражданином России.

Темрюкский районный суд признал, что систематическое ненадлежащее поведение супруга, выражающееся в привлечении к административной ответственности и отсутствии фактического проживания в приобретённой в браке квартире, позволяет признать его утратившим право пользования жильём и снять с регистрационного учета.

Нормативно-правовую основу указанных положений составляет Гражданский кодекс РФ, особенно статья 244, устанавливающая общие правила общей собственности.

Согласно статье 35 Семейного кодекса РФ, владение, пользование и распоряжение общим имуществом супругов осуществляется по их обоюдному согласию. Для распоряжения движимым имуществом одного лишь волеизъявления супруга достаточно, при условии предполагаемого согласия второго супруга. Однако совершение сделок с недвижимостью требует обязательного нотариального удостоверения согласия другого супруга. Если сделка совершена без согласия, суд вправе признать её недействительной, если доказано осведомленность другой стороны о возражениях супруга. Раздел общего имущества допустим, если супруги не достигли соглашения, что прекращает совместную собственность и устанавливает общую долевую. Личные вещи каждого супруга остаются его индивидуальной собственностью, кроме драгоценностей и предметов роскоши, даже если куплены в браке за общие средства.

Особенности раздела имущества при расторжении брака заключаются в следующем. Совместно нажитое имущество делится поровну, включая недвижимость, автомобили, банковские счета, акции и другие активы. Обязательства также подлежат разделению — супруги совместно несут ответственность по кредитам, займам и ипотеке. Личная собственность каждого супруга, такая как имущество, полученное до брака, в подарок или по наследству, остаётся неприкосновенной и не включается в раздел. Наличие несовершеннолетних детей может повлиять на решение суда, который вправе увеличить долю родителя, с которым останутся проживать дети. Суд не включает в общую массу

имущество, предназначенное исключительно для нужд ребенка, такие как одежда, игрушки, школьные принадлежности и музыкальные инструменты. Срок исковой давности для подачи иска о разделе имущества составляет три года. Раздел возможен двумя путями: добровольно, путём заключения соглашения, удостоверенного нотариусом, либо принудительно, посредством судебного разбирательства, где судом применяется принцип равенства долей, если иное не установлено законом или соглашением супругов.

«Особенности раздела имущества при расторжении брака определяются Семейным кодексом РФ, согласно которому совместно нажитое имущество делится поровну между супругами. Исключением являются случаи, когда собственность была приобретена на личные средства одного из супругов. Суд учитывает индивидуальные обстоятельства каждой семьи и может отклоняться от принципа равных долей, особенно если это важно для защиты интересов несовершеннолетних детей. Возможны другие варианты распределения активов — например, в пользу детей, при злоупотреблениях одним из супругов или по условиям брачного договора либо мирового соглашения. Отдельно оговаривается, что предметы, купленные исключительно для нужд ребенка (одежда, игрушки, школьные принадлежности), исключаются из общего состава семейного имущества» [10].

Законный режим имущества супругов — это совместная собственность, действующая автоматически, если не заключён брачный договор. Этот режим применяется ко всему приобретённому в браке имуществу, кроме личного имущества, полученного до брака, подаренного, унаследованного или переданного другим способом безвозмездно. К личному имуществу относятся личные вещи, за исключением предметов роскоши и драгоценностей. Доходы от трудовой деятельности, предпринимательства и интеллектуальной собственности обоих супругов считаются общими. Супруг, не работающий официально, но занимающийся домом и детьми, сохраняет права на совместное имущество.

Примером судебного спора служит дело № 19-КГ22-27-К5, где экс-жена претендовала на половину дохода бизнеса мужа после развода. Суд апелляционной инстанции решил разделить заработок бизнесмена пополам, поскольку тот отказался представить финансовые отчёты. Верховный суд отменил решение, подчеркнув необходимость определения точной суммы дохода на дату расторжения брака.

Дело № 78-КГ19-41. Верховный Суд РФ в Определении указал, что доходы по обязательствам, возникшим в период брака, но полученные одним из супругов после прекращения брачных отношений, являются совместно нажи-

тым имуществом и подлежат разделу. «Верховный суд отметил, что поскольку предпринимательская деятельность осуществлялась в период брака и условия такой деятельности предусматривали поступление дохода, фактическое перечисление средств после прекращения брачных отношений не изменяет режим общего имущества супругов и не лишает бывшего супруга права на получение части этих средств при разделе» [12].

Распоряжаться совместным имуществом супруги обязаны сообща, достигнув согласия друг с другом относительно любых операций с ним. Суд вправе признать личную собственность одной стороны общим семейным достоянием, если докажет, что вложениями обоих супругов или усилиями одного из них существенно увеличилась рыночная ценность данного актива, например, вследствие капитального ремонта, реконструкции недвижимости или модернизации оборудования.

Принцип равенства долей супругов в общем имуществе означает, что при разделе каждому супругу полагается половина общего имущества. Данный принцип закреплён в статье 39 Семейного кодекса РФ. При рассмотрении дел суды принимают во внимание не только денежные вложения каждого из супругов, но и вклад в семейный быт, воспитание детей и другие значимые обстоятельства, способствующие общему благосостоянию семьи. Тем не менее, этот принцип не носит абсолютного характера — суд вправе изменить пропорции раздела исходя из интересов несовершеннолетних детей либо особых обстоятельств конкретного супруга. Например, доля одного супруга может увеличиться, если он проживает совместно с детьми, болеет или признан нетрудоспособным. Напротив, доля супруга может уменьшиться, если доказано, что он не участвует в получении дохода по уважительной причине или необоснованно тратит общие средства. Любые отклонения от принципа равно долевого раздела требуют чёткого судебного обоснования, иначе принятое решение может быть оспорено и отменено вышестоящим судом.

Совместная собственность супругов не включает личное имущество каждого супруга, которым тот обладал до вступления в брак, а также полученное в браке путём наследования или дара. Исключением являются индивидуальные вещи личного пользования, такие как одежда и обувь, вне зависимости от источников финансирования покупки, кроме ценных вещей и предметов роскоши. Авторские права на объекты творчества принадлежат исключительно создателю. Средства материнского капитала выделяются семье на определённые нужды и не подлежат разделению между супругами. Имущество, приобретаемое для удовлетворения потребностей несовершеннолетних детей, оста-

ётся собственностью детей. Наконец, вещи, приобретённые после фактического распада семьи, хотя бы официально супруги оставались зарегистрированными, не считаются совместной собственностью, если суд установит прекращение совместных хозяйственных отношений.

Исследователи расходятся во мнениях относительно состава совместной собственности супругов. Одни считают, что сюда входят только имущественные права, исключая долги, другие включают в состав всей имущественной массы как права, так и обязанности супругов. Согласно разъяснениям Верховного Суда РФ и ст. 36 СК РФ, личное имущество каждого супруга, приобретенное до брака или за личные средства, а также предметы индивидуального пользования (кроме драгоценностей и ценных вещей), не признаются общим имуществом. Регулирование имущественных отношений между супругами остаётся актуальным вопросом, несмотря на подробное законодательство, выявляя проблемы и разногласия в практике разделения имущества и решения вопросов долгов. Низкая распространенность брачных договоров подчёркивает потребность в повышении информированности граждан и улучшении судебных процедур. Законодательство должно адаптироваться к новым экономическим реалиям и формам семейного устройства, обеспечивая справедливость и стабильность имущественных прав.

Литература:

1. Каймакова, Е. В. Понятие и сущность принципов правового регулирования семейных отношений / Е. В. Каймакова // Российское правосудие. — 2009. — № 9 (41). — С. 42–50.
2. Применение исковой давности в семейных отношениях. — https://kpfu.ru/portal/docs/F40359438/158_2_gum_7.pdf
3. Верховный суд разъяснил, как делить имущество гражданских супругов. — <https://rg.ru/2022/04/12/verhovnyj-sud-raziasnil-kak-delit-imushchestvo-grazhdanskih-suprugov.html>
4. Чернецова, Г. А. Защита прав супругов при определении состава их общего имущества, его разделе и обращении взыскания на него / Г. А. Чернецова // Ленинградский юридический журнал. — 2010. — № 3 (21). — С. 204–211.
5. Московская, Н. В. Отдельные вопросы правового регулирования общего имущества супругов / Н. В. Московская // Пробелы в российском законодательстве. — 2021. — Т. 14, № 4. — С. 253–259.

6. Сальникова, В. В. Правовое регулирование общей совместной собственности супругов / В. В. Сальникова // Интерактивная наука. — 2021. — № 6 (61). — С. 89–90.
7. Белоусова, О. И. Правовой режим и проблемы совместной собственности супругов / О. И. Белоусова // Байкальский студенческий юридический форум –2021. Современные проблемы правотворчества и правоприменения: Материалы Всероссийской студенческой научно-практической конференции, Иркутск, 25 марта 2021 года. — Иркутск: Иркутский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2021. — С. 96–100.
8. Гарант.РУ. — https://www.garant.ru/consult/civil_law/1627339/?ysclid=m9y3ljx67210102670
9. Имущественные последствия супружеской неверности: заключаем брачный договор. — <https://delo-press.ru/journals/law/lichnyy-interes/58640-imushchestvennye-posledstviya-supruzheskoy-nevernosti-zaklyuchaem-brachnyy-dogovor/>
10. Попов, М. Н. О порядке распоряжения совместно нажитым имуществом бывшими супругами / М. Н. Попов, А. Ф. Пьянкова // Законодательство и экономика. — 2015. — № 1. — С. 74–80.
11. Как делить доход от предпринимательства после развода: мнение ВС. — <https://pravo.ru/story/244186/>
12. Доходы от предпринимательской деятельности относятся к общему имуществу супругов. — <https://mkapr.ru/tpost/v2a2lnk0up-dohodi-ot-predprinimatelskoi-deyatelnost>

Групповые иски как инструмент защиты прав: анализ ситуации в Республике Беларусь

Мельник Валерия Анатольевна, студент

Белорусский государственный экономический университет (г. Минск, Беларусь)

В статье автор исследует сущность и развитие группового иска в Республике Беларусь.

Ключевые слова: иск, суд, ответчик, группа.

Итак, для начала следует отметить, что в теории существуют различные наименования данного правового института. Например, Г. О. Аболонин называет его коллективный иск [1, с. 43–47], а В. В. Ярков — групповой иск [2, с. 254–255].

Сущность данной правовой конструкции среди ученых-процессуалистов также раскрывается по-разному. Так, Г. О. Аболонин считает, что групповой иск — «письменное обращение в суд, осуществляемое от имени многочисленной группы лиц, содержащее требование о взыскании с ответчика денежной суммы и основанное на общем юридическом факте либо общем требовании о восстановлении нарушенного права, выдвигаемом в законных имущественных интересах всех участников многочисленной группы лиц, рассмотрение которого осуществляется на основании адекватного представительства» [1, с. 43–47]. В. В. Ярков же отмечает, что групповой иск — «процессуальный институт, который позволяет защищать интересы большой группы лиц, персональный состав которой неизвестен на момент возбуждения дела, одному или нескольким из участников этой группы без специального получения на то полномочий со стороны всех входящих в него лиц» [2, с. 254–255].

Исходя из анализа этих и других трактовок понимания сущности понятия групповой иск, видим целесообразным выделить следующие его ключевые признаки:

- во-первых, право на обращение с групповым иском в суд принадлежит одному или нескольким субъектам, включая как физических, так и юридических лиц, а также в некоторых случаях государственные органы;
- во-вторых, лицо(-а), подавшие иск, обычно являются участниками группы лиц, чьи права и законные интересы оспариваются или нарушаются;
- в-третьих, групповой иск направлен на защиту нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов либо определенной группы лиц

(состав которой таков, что участие всех ее членов в судебном разбирательстве либо затруднительно, либо невозможно), либо неопределенной группы;

- в-четвертых, правовые (то есть указание на конкретную норму права) и фактические (то есть совокупность юридических фактов) обстоятельства дела должны быть схожи для всех членов группы, то есть должно иметься общее основание для иска, включая факты, непосредственно влияющие на правоотношения, факты активной и пассивной легитимации, а также факты, служащие основанием для иска;
- в-пятых, у всех участников группового иска должны быть одинаковые или очень похожие требования и возражения для них, то есть, их объединяет общий предмет спора;
- в-шестых, представители группы должны быть способны эффективно, справедливо, честно представлять и защищать интересы всех ее членов в суде;
- в-седьмых, решение суда по групповому иску обязательно для всех членов группы, даже если они лично не участвовали в процессе. Если иск касается неопределенного круга лиц, решение распространяется на всех, кто подпадает под определение группы, даже если они не знают о существовании иска.

Классификации групповых исков в науке гражданского процесса нужна для того, чтобы более детально разобраться в сущности и содержании понятия групповой иск.

С нашей точки зрения, в качестве критерия целесообразно использовать субъекта подачи иска, которым могут выступить частные лица и организации, а также органы государственной власти. Используя данный критерий, следует выделять частные, публичные и организационные групповые иски. Частный групповой иск подается гражданином или организацией и позволяет им действовать от имени, но без поручения группы и предъявлять иск в защиту прав ее членов, либо неопределенного круга лиц. Публичный иск предполагает подачу иска органом государственной власти в защиту прав определенной группы лиц, либо неопределенного круга лиц. В частности, подобный иск чаще всего используется прокурором. Организационный иск подается специализированной общественной организацией, действующей в той или иной области общественных отношений, в защиту прав граждан или организаций, чьи права нарушены в данной области. Подобные иски подают чаще всего в защиту прав потребителей, участников рынка ценных бумаг.

Однако в белорусском законодательстве всё же впервые возможность защиты неопределенного круга лиц в гражданском процессе была предусмотрена в Законе Республики Беларусь от 9 января 2002 г. № 90-З «О защите прав потребителей», предусматривавшем право ряда органов на возбуждение дел в защиту неопределенного круга потребителей. В соответствии со ст. ст. 42, 44, 47 Закона Министерство антимонопольного регулирования и торговли, общественные объединения потребителей вправе предъявлять иски в суды о признании действий изготовителя (продавца, поставщика, представителя, исполнителя, ремонтной организации) противоправными, условий договора недействительными в отношении неопределенного круга потребителей и прекращении этих действий [4].

Первоначально выясним, что белорусский законодатель понимает под групповым иском. Для этого следует обратиться к условиям его подачи, которые закреплены в статье 325 Кодекса гражданского судопроизводства Республики Беларусь (далее — КГС), который вступит в силу с 1 января 2026 года [3]: 1) имеется общий по отношению к каждому члену группы ответчик; 2) предметом судебного разбирательства являются права и законные интересы, которые являются общими для всех членов группы или имеют схожий характер; 3) в основании прав членов группы лиц и обязанностей ответчика лежат схожие фактические обстоятельства; 4) все члены группы используют один и тот же (одинаковый) способ защиты своих прав в суде; 5) гражданин или организация вправе обратиться в суд в защиту прав и законных интересов группы лиц при условии, что они являются членами этой группы.

В контексте характеристики данного вида исков следует обратить внимание на то, что вступающий в силу с 1 января 2026 г. КГС в главе 28 (статьях 325–331) регламентирует особенности производства по коллективному исковому заявлению в рамках искового производства. Частью 4 ст. 325 КГС определено, что «рассмотрение дела осуществляется по правилам, установленным главой 28 КГС, если на момент возбуждения производства по делу коллективное исковое заявление подписали либо к нему присоединились не менее десяти лиц» [3]. Вызывает некоторую настороженность решение белорусского законодателя о распространении одинаковых требований относительно количества лиц — участников коллективного иска — по гражданским и экономическим делам. Представляется, что в экономических спорах количество заинтересованных в хозяйственном процессе лиц гораздо реже достигает десяти ввиду особенностей самих экономических споров в Республике Беларусь.

В целях сравнительного анализа обратим внимание на то, что в процессуальном законодательстве Российской Федерации в определении количества участников коллективного иска по гражданским и экономическим делам закреплён дифференцированный подход. В рамках гражданского процесса такое количество должно составлять не менее двадцати лиц (ч. 5 ст. 244.20 ГПК Российской Федерации), а в рамках арбитражного процесса — «не менее пяти лиц» (ч. 5 ст. 225.10 Арбитражного процессуального кодекса (далее — АПК) Российской Федерации). Полагаем, что белорусскому законодателю аналогичный дифференцированный подход к определению числа участников коллективного иска в зависимости от того, являются они физическими или юридическими лицами, необходимо закрепить в ч. 4 ст. 325 КГС. Если этого не произойдет, то коллективные иски будут чаще подаваться физическими лицами, чем юридическими лицами. Во избежание этого, на наш взгляд, ч. 4 ст. 325 КГС необходимо изложить в следующей редакции:

«4. Рассмотрение дела осуществляется по правилам, установленным настоящей главой, если на момент возбуждения производства по делу коллективное исковое заявление подписали либо к нему присоединились не менее десяти лиц (граждан, в том числе индивидуальных предпринимателей, и юридических лиц) либо не менее пяти юридических лиц»..

Таким образом, групповые иски способны существенно повысить доступность правосудия для широкого круга лиц, чьи индивидуальные требования могут быть незначительными, но в совокупности представляют серьезное нарушение. Поэтому, несмотря на текущее состояние, развитие института групповых исков представляется перспективным направлением совершенствования системы защиты прав в Республике Беларусь.

Литература:

1. Аболонин, Г.О. Групповые иски в российском арбитражном процессуальном законодательстве — перспективы развития / Г.О. Аболонин // Арбитражный и гражданский процесс. Юрист. — 2011. — № 3. — С. 43–47.
2. Гражданское процессуальное право: учебник / С.А. Алехина [и др.]; под ред. М.С. Шакарян. — М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2004. — 584 с.
3. Кодекс гражданского судопроизводства Республики Беларусь: Кодекс Республики Беларусь, 11 марта 2024 г., № 359-З, с изм. и доп. [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики

- Беларусь / Нац. центр правовой информ. Республики Беларусь. — Минск, 2025.
4. О защите прав потребителей [Электронный ресурс]: Закон Республики Беларусь, от 9 января 2002 г. № 90-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Республики Беларусь. — Минск, 2025.

История и предпосылки закрепления института антиискового запрета в российском праве

Салдугей Мария Сергеевна, студент магистратуры

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(г. Москва)

В статье рассматривается история возникновения и предпосылки закрепления института антиискового запрета в российском законодательстве. Автор анализирует эволюцию отношения российской правовой системы к данному институту: от полного неприятия до имплементации в Арбитражный процессуальный кодекс РФ.

Ключевые слова: антиисковой запрет, международный гражданский процесс, санкции, исключительная компетенция, Арбитражный процессуальный кодекс РФ, доступ к правосудию.

Еще в предыдущей декаде представить появление в российском законодательстве антиискового запрета было практически невозможно. Враждебное отношение российского правопорядка к антиисковым запретам обуславливалось не только континентальностью, но и тем фактом, что российские компании на протяжении многих лет выступают главной мишенью английских антиисковых запретов. Как отмечал А. А. Иванов, бывший председатель ВАС РФ, антиисковые запреты являются «очевидным злоупотреблением правом» [1, с. 5].

Тем не менее, как и в случае с иными европейскими правопорядками, отдаленные подобию антиискового периодически находили свое место в российской судебной практике. Так, в 2002 году третейскому суду было запрещено определением Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области продолжать разбирательство до окончания рассмотрения дела в указанном суде. Данное определение в дальнейшем было отменено судом касса-

ционной инстанции в силу нарушения ст. 90 АПК РФ и отсутствия процессуального механизма, позволяющего российскому арбитражному суду вмешаться подобным образом в третейское разбирательство [2, с. 135].

В 2013 году ВАС РФ официально выразил свою позицию по отношению к иностранным исковым запретам в Информационном письме Президиума ВАС РФ от 09.07.2013 № 158, указав, что «судебный «противоисковый» запрет иностранного суда ни в силу своей природы, ни в силу норм международного и российского права не может препятствовать рассмотрению дела в арбитражном суде в Российской Федерации и порождать юридические последствия на территории Российской Федерации». Аналогичная позиция была зафиксирована ВС РФ в п. 52 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2017 г. № 23: «Принятые иностранным судом обеспечительные меры в виде запрета на участие в рассмотрении спора в судах Российской Федерации не препятствуют арбитражному суду рассмотреть указанный спор, если данный спор отнесен законом к компетенции арбитражного суда» [3, с. 52].

По сути, именно в этот период российские высшие судебные инстанции, признавая недействительность иностранных антиисковых запретов на территории РФ, фактически заложили концептуальную основу для последующего формирования собственного механизма антиисковых мер. Данный подход отражал не только защиту суверенитета российской судебной системы, но и формировал почву для создания аналогичного инструмента в российском процессуальном праве. Это, в частности, подтверждается тем, что в тот же временной промежуток в российской правовой доктрине начали появляться статьи, анализирующие возможность введения в российское законодательство института антиискового запрета.

В частности, в 2013 году Р. М. Ходыкин в своей статье «Антиисковые обеспечительные меры в цивилистическом процессе в международном арбитраже» рассмотрел допустимость вынесения антиискового запрета в порядке ст. 90 АПК РФ [4, с. 274]. В 2014 году В. В. Ярков в статье «Применение антиисковых обеспечительных мер российскими судами: почему бы и нет?» высказал позицию, что «применение такой обеспечительной меры в отношении лиц, нарушающих исключительную компетенцию российского суда, не противоречит российскому процессуальному законодательству» [5, с. 12]. Как также отмечал А. И. Ядыкин, «на данный момент не существует каких-либо универсальных оснований, в соответствии с которыми применение «антиисковых обеспечительных мер» было бы запрещено уже в принципе, без учета конкретных обстоятельств дела» [6, с. 43].

На тот момент дискуссия об антиисковом запрете в российском праве существовала исключительно *de lege ferenda*, однако судьбу института в Российской Федерации во многом предопределили Регламент Совета (ЕС) № 269/2014 от 17.03.2014 и Регламент Совета (ЕС) № 833/2014 от 31.07.2014, а также Исполнительный приказ Президента США № 13661 от 16.03.2014, которыми Европейским союзом и США были введены беспрецедентные по своему масштабу экономические санкции в отношении России и российских лиц. Введение санкций создало принципиально новую ситуацию, в которой российские лица столкнулись с препятствиями в доступе к правосудию за рубежом, что требовало реакции со стороны российского законодателя и судебной системы [7, с. 8].

Так, российские лица, которые попали в санкционные списки иностранных государств, начали периодически сталкиваться с достаточно серьезными препятствиями для участия в судебных и арбитражных разбирательствах за пределами России: потерей возможности производить платежи в долл. США и евро напрямую в адрес локальных юридических консультантов и арбитражных центров, отказами иностранных юридических фирм от представления интересов российских подсанкционных лиц и пр.

В целях установления гарантий обеспечения прав и законных интересов отдельных категорий граждан Российской Федерации и российских юридических лиц, в отношении которых недружественными иностранными государствами были введены меры ограничительного характера 08.06.2020 в АПК РФ Федеральным законом № 171-ФЗ, получившим неофициальное название «Закон Лугового», были введены статьи 248.1 и 248.2 [8, с. 134].

Ст. 248.2 АПК РФ закрепила полномочие арбитражных судов на вынесение антиискового запрета. Тем не менее, нововведенный российский аналог антиискового запрета скорее имеет больше отличий от англо-саксонского оригинала, нежели схожестей, что требует отдельного подробного анализа.

Литература:

1. Иванов А. Недобросовестная конкуренция правовых систем: современные проблемы // Корпоративный юрист. 2018. № 3. С. 5–9.
2. Гландин С. В. Закон о праве подсанкционных лиц переносить судебные споры в Россию: причины и предпосылки // Закон. 2021. № 2. С. 132–147.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2017 г. № 23 «О рассмотрении арбитражными судами дел по экономическим спорам,

- возникающим из отношений, осложненных иностранным элементом» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 8.
4. Ходыкин Р. М. Антиисковые обеспечительные меры в цивилистическом процессе и международном арбитраже // Вопросы международного частного, сравнительного и гражданского права, международного коммерческого арбитража: Liber Amicorum в честь А. А. Костина, О. Н. Зименковой, Н. Г. Елисеева. М.: Статут, 2013. С. 274–296.
 5. Ярков В. В. Применение антиисковых обеспечительных мер российскими судами: почему бы и нет? // Закон. 2014. № 8. С. 10–18.
 6. Ядыкин А. И. Институт антиисковых обеспечительных мер: перспективы в российском праве // Арбитражный и гражданский процесс. 2015. № 6. С. 40–45.
 7. Гальперин М. Л. Битва юрисдикций: есть ли процессуальное оружие у российских судов? // Закон. 2020. № 8. С. 6–19.
 8. Вунукайнен В. С. Исключительная компетенция российских судов по санкционным спорам: падающего толкни? // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 9. С. 130–149.

Применение цифровой криминалистики в расследовании коррупционных преступлений

Худякова Ольга Николаевна, студент

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

Статья посвящена анализу применения цифровой криминалистики в расследовании коррупционных преступлений. Рассматриваются возможности использования цифровых следов в качестве доказательств, а также проблемы нормативного и кадрового характера. Обоснована необходимость интеграции цифровых методов в уголовное судопроизводство.

Ключевые слова: цифровая криминалистика, коррупция, цифровые доказательства, расследование, уголовный процесс.

Application of digital forensics in the investigation of corruption crimes

Khudyakova Olga Nikolaevna, student

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

The article analyzes the use of digital forensics in investigating corruption offenses. It examines the evidentiary value of digital traces and outlines regulatory and personnel challenges. The need for integrating digital methods into criminal proceedings is justified.

Keywords: digital forensics, corruption, digital evidence, investigation, criminal procedure.

Введение

Современное общество всё активнее переходит в цифровую среду, что оказывает фундаментальное влияние на характер и способы совершения преступлений, включая коррупционные правонарушения. Взятки, злоупотребления, отмыwanie средств и фальсификация документов всё чаще осуществляются с использованием электронных каналов связи, цифровых подписей, банковских приложений, криптовалют и других инструментов информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Эта трансформация требует от правоохранительных органов не только новых подходов к расследованию, но и новых методов извлечения, фиксации и анализа доказательств.

Одной из наиболее перспективных и быстроразвивающихся сфер в этой области является цифровая криминалистика (digital forensics) — дисциплина, направленная на выявление, сохранение, исследование и документирование цифровой информации, имеющей значение для уголовного преследования. В рамках коррупционных расследований цифровая криминалистика позволяет идентифицировать участников преступных схем, отследить движение средств, зафиксировать факты коммуникации и манипуляции с электронными документами.

Несмотря на очевидную пользу, цифровая криминалистика пока используется точно и не системно. Цель данной статьи — проанализировать современное состояние, перспективы и ограничения применения цифровой криминалистики в расследовании коррупционных преступлений в России, предложить пути её институционального и нормативного развития. [1]

Материалы и методы.

Настоящее исследование основано на комплексном анализе действующего законодательства Российской Федерации, судебной практики и статистических данных, а также эмпирических материалов, полученных в ходе изучения экс-

пертных заключений по делам о коррупционных преступлениях. Применялись системный, сравнительно-правовой и эмпирический методы анализа.

Результаты.

Проведённое исследование позволяет утверждать, что цифровая криминалистика уже демонстрирует практическую значимость в расследовании коррупционных преступлений в России. В ряде дел, особенно на федеральном уровне, цифровые методы использовались с высокой эффективностью для установления ключевых фактов, подтверждения умысла и выявления преступных схем.

Так, в одном из дел, связанных с хищением бюджетных средств при исполнении госконтракта, экспертами была проанализирована электронная переписка между участниками. В результате удалось восстановить удалённые сообщения, содержащие зашифрованные договорённости и файлы, маскирующие реальные объёмы выполненных работ. Это позволило доказать наличие сговора между представителями заказчика и подрядной организации. В другом случае, в ходе анализа логов сервера, следствию удалось установить точный момент подделки электронного документа о приёмке работ, а также IP-адрес устройства, с которого была инициирована эта операция. Полученная информация была признана допустимым доказательством и легла в основу обвинительного заключения.

В рамках расследований высокопрофильных дел, включая коррупцию в государственных корпорациях, цифровая криминалистика активно применяется для отслеживания движения средств через криптовалютные кошельки и анонимные электронные платёжные системы. С помощью блокчейн-аналитики удалось установить транзакции, маскирующие откаты, а также определить личности, контролирующие связанные цифровые активы. Примечательно, что подобные методы требуют высокой технической подготовки и доступа к международным аналитическим базам, что ограничивает возможность их массового применения.

Наиболее распространёнными задачами цифровой криминалистики в делах о коррупции становятся: восстановление удалённых файлов, расшифровка логов и журналов активности, выявление манипуляций с электронными документами, идентификация цифровых устройств, анализ коммуникации в мессенджерах и мэйл-сервисах. Тем не менее, практика их применения в регионах остаётся эпизодической. [2]

Несмотря на положительные примеры, системного и повсеместного внедрения цифровой криминалистики в следственную практику пока не происходит. Наиболее активно она используется в делах, находящихся на контроле

у центральных следственных органов. На региональном уровне применение таких технологий затруднено из-за нехватки квалифицированных специалистов, отсутствия оборудования и слабой методической базы. Также отмечается неготовность некоторых следственных подразделений к интеграции цифровых методов в стандартные процедуры расследования. [3]

Таким образом, результаты исследования демонстрируют как значительный потенциал цифровой криминалистики в борьбе с коррупцией, так и институциональные ограничения, препятствующие её широкому использованию в повседневной следственной и судебной практике.

Обсуждение.

Результаты исследования свидетельствуют о высоком потенциале цифровой криминалистики в расследовании коррупционных преступлений, однако её практическое применение на сегодняшний день ограничивается рядом системных факторов. Несмотря на наличие технических средств и определённой положительной практики, цифровая криминалистика в России пока не заняла устойчивого места в структуре антикоррупционного уголовного преследования. [4]

Одной из ключевых проблем остаётся отсутствие полноценного нормативного регулирования. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации не содержит специальных норм, касающихся извлечения, хранения и оценки цифровых доказательств. Действующие статьи, регулирующие порядок представления и исследования вещественных доказательств, в том числе ст. 81 и 87 УПК РФ, не учитывают особенности работы с цифровыми следами. В результате следователи и эксперты часто вынуждены действовать на свой страх и риск, что впоследствии создаёт угрозу признания таких доказательств недопустимыми в суде.

Ещё одним ограничивающим фактором выступает кадровый дефицит. В подавляющем большинстве регионов отсутствуют специалисты, обладающие достаточной подготовкой в сфере цифровой криминалистики. Даже в специализированных экспертных учреждениях количество сотрудников, владеющих современными методами анализа цифровых следов, крайне ограничено. Это приводит к зависимости от внешних подрядчиков или федеральных структур, что затягивает сроки расследования и ограничивает оперативность действий следствия.

Существенным барьером остаётся и техническая обеспеченность. Во многих территориальных подразделениях следственных органов и экспертных бюро отсутствуют лицензированные программные комплексы, необходимые для работы с цифровыми носителями. Программное обеспечение типа EnCase, FTK,

X-Ways и Belkasoft, которое широко используется за рубежом, редко встречается в арсенале российских следователей. Без такого инструментария невозможно обеспечить полное и достоверное восстановление цифровой информации, особенно в условиях, когда преступники предпринимают осознанные попытки скрытия следов.

Также стоит отметить низкий уровень правовой и технической культуры участников уголовного процесса. Следователи зачастую не знают, на каком этапе и каким образом следует назначать цифровую экспертизу. Эксперты испытывают сложности с формулировкой запросов. Судьи, в свою очередь, не всегда обладают компетенцией для критической оценки полученных цифровых доказательств, что снижает их влияние на приговор. Это говорит о необходимости системной подготовки всех участников процесса в вопросах работы с цифровыми следами. [5]

Отдельную проблему представляет отсутствие координации между следствием, оперативными службами и экспертами. В современной практике часто наблюдается фрагментарность взаимодействия, когда каждая из сторон действует в рамках собственных задач, не имея общей цифровой стратегии расследования. Это снижает эффективность расследования, особенно в делах с большим объёмом электронных данных.

Таким образом, хотя цифровая криминалистика объективно способна усилить доказательственную базу по делам коррупционной направленности, её развитие сдерживается нормативными, организационными и ресурсными факторами. Для устранения этих ограничений необходимо проведение институциональной реформы, направленной на интеграцию цифровых технологий в практику расследования и судебного разбирательства.

Выводы.

Проведённый анализ позволяет сделать вывод о том, что цифровая криминалистика является неотъемлемым элементом современной антикоррупционной политики. Её значимость обусловлена не только объективной необходимостью реагировать на цифровизацию преступной деятельности, но и потребностью правоохранительной системы в повышении качества и надёжности доказательственной базы. В условиях, когда коррупционные преступления приобретают всё более скрытый и технически сложный характер, именно цифровые следы зачастую становятся единственным способом раскрытия реальных обстоятельств дела.

Цифровая криминалистика должна рассматриваться не как вспомогательное средство, а как самостоятельный и стратегически важный компонент уго-

ловного преследования. Её внедрение способно обеспечить оперативное выявление преступных схем, фиксацию фактов сговора и установление движения коррупционных потоков. Более того, цифровая криминалистика способствует снижению субъективного фактора в оценке доказательств, поскольку результаты цифрового анализа, как правило, воспроизводимы и поддаются независимой проверке. Это особенно важно в делах, вызывающих общественный резонанс, где к уровню доказательств предъявляются повышенные требования.

В то же время эффективность цифровой криминалистики напрямую зависит от наличия институциональной, кадровой и нормативной базы. В этой связи необходимы масштабные шаги со стороны государства по её интеграции в систему правосудия. Во-первых, целесообразно создание специализированных подразделений цифровой криминалистики при Следственном комитете, МВД и прокуратуре, оснащённых современными техническими средствами и обученным персоналом. Во-вторых, требуется нормативное закрепление порядка получения, обработки и оценки цифровых доказательств в рамках УПК РФ с учётом международных стандартов, включая принципы *admissibility* и *chain of custody*.

Также следует ввести обязательную подготовку следователей, экспертов и судей по вопросам работы с цифровыми следами, включая обучение методам криптоанализа, восстановлению удалённых данных, анализу метаданных и отслеживанию транзакций в блокчейне. Эффективным шагом стало бы внедрение единой цифровой платформы криминалистического анализа, доступной для аккредитованных экспертов по всей стране, что обеспечит единообразие подходов и повысит качество выводов.

Наконец, развитие цифровой криминалистики должно происходить в тесной связи с международной кооперацией. Многие коррупционные схемы носят трансграничный характер, а цифровые активы перемещаются через юрисдикции с разной степенью прозрачности. В этом контексте важно наладить устойчивое взаимодействие с международными организациями (INTERPOL, UNODC), использовать возможности зарубежных блокчейн-аналитических систем и внедрять принципы цифровой транспарентности.

Таким образом, цифровая криминалистика представляет собой не только инструмент реагирования на современные вызовы в борьбе с коррупцией, но и фактор, способствующий повышению прозрачности и эффективности уголовного судопроизводства в целом. Её широкое внедрение и институциональное укрепление — необходимое условие построения правового государства и обеспечения принципа неотвратимости наказания.

Литература:

1. Овчинников, А. И. Противодействие коррупции в условиях цифровизации: возможности, перспективы, риски / А. И. Овчинников. — Текст: непосредственный // Журнал российского права. — 2019. — № 11. — С. 158–170.
2. Солонникова, Н. В. К вопросу использования блокчейн-технологии в ходе расследования преступлений коррупционной направленности / Н. В. Солонникова, Г. В. Назаренко. — Текст: непосредственный // Юристъ — Правоведъ. — 2022. — № 4. — С. 40–46.
3. Мирошниченко, О. И. Цифровые технологии как фактор снижения коррупционных проявлений в судебной системе / О. И. Мирошниченко, Т. В. Филоненко. — Текст: непосредственный // Legal Concept. — 2020. — № 2. — С. 136–143.
4. Полстовалов, О. В. Основания криминалистического исследования коррупции / О. В. Полстовалов. — Текст: непосредственный // Правовое государство: теория и практика. — 2015. — № 1. — С. 114–117.
5. Пшава, В. В. К вопросу об использовании цифровых технологий при расследовании и раскрытии преступлений / В. В. Пшава, В. В. Плетнев, А. Б. Соколов. — Текст: непосредственный // Право и практика. — 2022. — № 3. — С. 142–145.

ИСТОРИЯ

Докладные Уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви по г. Москве и Московской области А.А. Трушина за 1944–1945 годы как исторический источник

Амелина Татьяна Владимировна, студент магистратуры

Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва)

В статье исследуются докладные Уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви по г. Москве и Московской области А.А. Трушина, составленные в период с 1944 по 1945 год. Эти отчеты — важный и интересный источник, характеризующий религиозную обстановку в Москве и Московской области в период окончания Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: докладные, Москва, Московская область, Русская православная церковь, Совет по делам Русской православной церкви, уполномоченный, А.А. Трушин.

Докладные Уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви по г. Москве и Московской области А.А. Трушина — важный исторический источник для изучения взаимоотношений советского государства с Русской православной церковью.

Свою работу на этом посту Алексей Алексеевич Трушин начал в декабре 1943 года. Это был очень ответственный участок работы. Именно в Москве и Московской области, даже после десятилетий антирелигиозной кампании продолжали находиться множество действующих православных церквей и приходов. Их число, по сравнению с другими областями и регионами, было достаточно внушительным. В.В. Никонов в своей статье «Отчеты уполномоченного Совета по делам РПЦ по Г. Москве и Московской области как источник сведений о росте религиозных практик москвичей в 1944–1946 годах» приводит данные из докладной записки А.А. Трушина Г.Г. Карпову, председателю Совета ««Сведения о действующих церквях, молитвенных домах и монастырях, а также и недействующих церковных зданиях Русской православной

церкви по г. Москве и Московской области». Согласно данным этой записки на начало 1944 года в Москве работало 30 храмов, а в Московской области — еще 147 [5, с. 170].

Первые докладные А.А. Трушина датируются 1944 годом. В настоящее время они находятся в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ) в фонде Совета по делам религий при Совете министров СССР (ф. Р-6991, оп. 1, 2, 5, 6) и в Центральном государственном архиве Московской области (ЦГАМО) — в описях 1 и 3 Фонда 7383.

В настоящей статье анализируются докладные Уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви по г. Москве и Московской области Трушина А.А. только за 1944–1945 года. На данный период докладные представляют самостоятельный интерес, так как именно в этих временных рамках на постоянной основе начинает проводиться диалог между советским государством и самой большой религиозной организацией страны — Русской православной церковью. Также в этот период происходит возобновление работы церквей и духовных семинарий, а РПЦ активно помогало воюющей стране и действующей армии.

В докладных Уполномоченного нашли отражение именно те данные, которые в первую очередь интересовали государство, также они содержат ценную информацию о состоянии церковных приходов на момент начала диалога государства и церкви, о количестве церквей, прихожан, сведения о духовенстве и т.д.

Первые отчеты еще не имели четкой структуры, их содержание было еще не в полной мере утвержденным (каким стало впоследствии), однако в этом также можно увидеть их источниковедческую ценность, в том числе заключающуюся в том, что их содержание можно сравнивать с последующими, более оформленными докладными и отчетами. Кроме того, докладные за 1944–1945 год отличаются от тех, которые стали формироваться позже. Они содержат в себе много информации «опущенной» в последующих докладных, докладах и отчетах (с 1954 года докладные стали называться докладами, которые составлялись каждые полгода, а с 1959 года докладные стали ежегодными, с 1965 года документ стал называться «Годовой информационный отчет о работе уполномоченного»).

Всего за 1944–1945 годы было подготовлено 8 докладных — по одной на каждый квартал.

Первая докладная А.А. Трушина «О состоянии и деятельности церкви на территории города Москвы и области за 1 квартал 1944 года» [1, лл. 11–

17] составлена 20 апреля 1944 года для Председателя Совета по делам РПЦ при СНК СССР товарища Карпова.

Докладная состоит из основной части и двух статистических таблиц. В основной части фиксируется информация о количестве заявлений об открытии церквей (208), даётся информация о фактически открытых церквях по этим заявлениям (разрешено открыть 3 церкви). Также в отчете дается информация о фактах самовольного открытия церквей и незарегистрированных священниках, исполняющих религиозные обряды.

В первой статистической таблице приводятся сведения о действующих церквях, молитвенных домах и монастырях, а также о недействующих церковных зданиях Русской православной церкви по г. Москве и Московской области на 1 апреля 1944 года. Действующих церквей, согласно таблице, оказалось 177 у Русской православной церкви, а также 1 у обновленцев, а недействующих — 1326, из них — 994 заняты для хозяйственных и культурных целей. Данные приводятся отдельно по г. Москва, по Московской области и по районам Московской области.

Во второй статистической таблице давались сведения о духовенстве по г. Москве и Московской области. Всего, было зарегистрировано 271 служитель культа — 4 епископа, 218 священников, 43 дьякона и 6 псаломщиков. Из них 1 епископов, 3 священника, 2 дьякона и 1 псаломщик были обновленцами.

Обращает на себя внимание явное несоответствие — на 177 храмов (178 если считать с «обновленцами») приходится всего 271 служитель культа — то есть для обслуживания храма приходилось менее двух священнослужителей. Поэтому понятна деятельность незарегистрированных священников, факты о которых приводятся в основной части докладной.

Докладная за второй квартал 1944 года имеет схожую структуру, также состоит из основной части и двух статистических таблиц [1, лл. 18–23]. Подготовлена она 20 июля 1944 года. Однако есть и важное отличие — в основной части докладной появляется информация о том, что «За период Отечественной войны с июня 1941 года по июль 1944 года в фонд обороны страны духовенство и верующие русской православной церкви г. Москвы при наличии 21 действующей церкви внесли 9 963 624 рубля. Церкви Московской области за указанный период, при наличии 152 действующих церквей внесли 2 235 966 рублей». Также приводится информация о том, как ведется «церковно-патриотическая работа», читаются патриотические воззвания патриарха Сергия (Страгородского).

Первая таблица, со сведениями о действующих церквях, в целом составлена схожим образом с докладной за первый квартал 1944 года, но данные в ней

приводится только по г. Москва и Московской области — без районов. Из данных можно увидеть рост числа работающих церквей — их стало 186, за счет открытия 9 церквей в Московской области. Число недействующих церквей — 1431. Во второй таблице приводится число зарегистрированных священников. Оно также возросло до 297 (рост на 26), из них 7 — у обновленцев.

Третья квартальная докладная за 1944 год [1, лл. 29–37] подготовлена 13 октября 1944 года и сохранила схожую с другими докладными этого года структуру, однако сама основная часть становится больше, в ней появляются информация о неравномерном распределении действующих церквей. Так, в 22 районах области по сведениям Уполномоченного церквей нет вообще, в 28 районах функционирует от 1 до 3 церквей, в отдельных районах от 4 до 10. Опираясь на приведённые данные, А.А. Трушин дает рекомендации по «разрядке потока верующих» и предлагает открыть еще 21 церковь в тех районах области, где церквей нет или недостаточно. В докладной нет данных о пожертвованиях Церкви в действующую армию и о проведении церковно-патриотической работы.

Интересным является тот факт, что в первой статистической таблице докладной (о количестве церквей и молитвенных домах) фиксируется сокращение их числа — теперь их всего 168 действующих и 1386 недействующих. Это объясняется тем, что ряд районов Московской области был присоединен административно к близлежащим областям. Количество священнослужителей в третьей таблице показывает рост по сравнению с предыдущими периодами (при том, что 4 района Московской области отошли к Калужской и 1 район — к Владимирской области) — до 303 священников (рост на 6 единиц). При этом рост показывает число священников именно Русской православной церкви, число обновленцев остается скромным и неизменным (7 служителей культа).

Докладная записка за 4 квартал имеет уже традиционную для этого года структуру [1, лл. 38–42]. Подписана она 1 января 1945 года. Интерес представляет то, что в основной части фиксируется тенденция, согласно которой первичных заявлений на открытие церквей поступило незначительно (по сравнению с предыдущими кварталами, это объясняется тем, что большинство заинтересованных групп прихожан такие заявления уже подали) однако жалобы по отклонённым заявлениям продолжают поступать. Также в докладной нет данных о помощи Церкви действующим армиям и о состоянии патриотической работы в церквях. Согласно статистическим таблицам число церквей не изменилось, однако появилась информация о количестве районов, в которых нет действующих церквей (в городе Москва — 8, в Московской области — 22). Такой интерес

(который отражался и в третьей докладной за 1944 год в основной части — в части рекомендации об открытии новых церквей) свидетельствует о тенденции, согласно которой государство стало заинтересовано в более оправданном распределении церквей среди прихожан. Вторая таблица фиксирует незначительный рост числа священников — с 303 до 305.

В 1945 году деятельность Уполномоченного была продолжена, о чем свидетельствует «Докладная о состоянии, положении и деятельности Русской православной церкви гор. Москвы и Московской области в 1-м квартале 1945 года» [2, лл. 5–20]. Подписана она 16 апреля 1945 года. Эта докладная уже существенно больше докладных за 1944 год, когда текст основной части буквально состоял из двух трех страниц. Это свидетельствует о накоплении данных, в том числе и статистических, и о расширяющемся интересе государства к различным аспектам церковной жизни.

В данной докладной приводится информация о ходе рассмотрения заявлений об открытии церквей в районах области. А. А. Трушин отмечает, что число таких заявлений (с остатком от 1944 года) достигло 50. За первый квартал 1945 года им было рассмотрено 21 заявление, из них по 12 заявлениям ходатайство было отклонено, по одному удовлетворено, 7 заявлений было снято с рассмотрения по разным причинам и по 1 заявлению подписано заключение на открытие и направлено в Совет для решения.

За этот же период было рассмотрено заявлений / жалоб верующих 49, из них отклонено 32, удовлетворено 6, снято с пересмотра в связи с отходом некоторых районов другим областям — 4 и написано заключение на открытие 7, они же направлены в Совет на решение. Еще 59 жалоб / заявлений за отчетный период не рассмотрено из-за того, что для «отказа нет основательных мотивов, так как в основном ходатайство заблуждается об открытии церквей незакрытых решениями Советских органов, здания церквей свободны, в районе действует от 3 до 6 церквей, близлежащие из которых расположены от 15 до 30 километров» [2, л. 6].

Также в Докладной указывается, что по состоянию на 1 апреля 1945 года в области функционирует 145 церквей, увеличение действующих произошло за счет 8 открытых в Московской области, при этом зарегистрировано служителей религиозного культа 201 человек, из них священников 179, дьяконов 16 и псаломщиков 6 [2, л. 8].

К Докладной за первый квартал 1945 года приложены статистические приложения, которые, по сравнению с докладными 1944 года, дополнились за счет разделения данных по г. Москве и Московской области:

- Приложение 1. «Сведения о действующих церквях, молитвенных домах и монастырях, а также и недействующих церковных зданиях русской православной церкви по гор. Москве на 1 апреля 1945 года» [2, лл. 14–15]. Общее число церквей по сравнению с 1944 годом не изменилось — их осталось 31 (из них один храм у «обновленцев»). Однако данные приводятся отдельно по всем районам столицы.
- «Сведения о действующих церквях, молитвенных домах и монастырях, а также и недействующих церковных зданиях русской православной церкви по Московской области на 1 апреля 1945 года» [2, лл. 16–18]. Здесь произошел рост числа храмов — до 145 (со 137 в четвертом квартале 1944 года). Данные приводятся отдельно по все районам столицы.
- «Сведения о духовенстве по гор. Москве на 1 апреля 1945 года» [2, л. 19] (в Москве было зарегистрировано 115 священников из них 6 — «обновленцев»).
- «Сведения о духовенстве по области на 1 апреля 1945 года» [2, л. 20]. В области было зарегистрировано 202 священника.

За второй квартал 1945 года докладная [2, лл. 38–46] была подписана 7 июля 1945 года. Основная часть несла в себе информацию, схожую с информацией докладной за первый квартал 1945 года, однако, при этом, статистических приложений не было совсем — все они были включены в основную часть докладной. Согласно этим данным в Московской области действовало 157 церковных учреждений, а в Москве — 32. Число духовенства составило 213 по области и 120 по Москве. По всей видимости, этот формат (без статистических приложений) был признан неудовлетворительным и в последующих докладных, вплоть до 1954 года, было осуществлено возвращение к статистическим приложениям.

За третий квартал 1945 года докладная была подписана 9 октября 1945 года [2, лл. 48–71]. В ней появляется информация о состоянии патриотической работе в церкви, которая выражается, по мнению Уполномоченного в «сборе и отчислении средств на восстановление разрушенного хозяйства немецкими оккупантами» [2, л. 55].

В приложениях к «Докладной» за третий квартал появляются новые таблицы, к примеру:

- «Сведения о числе возбужденных в 3-м квартале 1945 года по Московской области ходатайств об открытии церквей» [2, лл. 65–66];
- «Сведения о числе заявлений (жалоб), возбужденных в III-м квартале на Решения Исполкома Мособлсовета по отклоненным ходатайствам об открытии церквей по Московской области» [2, лл. 67–68];

- «Сведения о числе заявлений (жалоб), возбужденных в III-м квартале на Решения Исполкома Мособлсовета по отклоненным ходатайствам об открытии церквей по гор. Москве» [2, л. 69].

Появление новых статистических таблиц объясняется тем, что «в августе 1945 г. Совет по делам Русской православной церкви разослал уполномоченным Совета новый вариант «Инструкции», в которой более детально перечислялись аспекты, которые должны были быть отражены уполномоченными в их информационных докладах» [4, с. 65].

Наряду с новыми данными даются и сведения о количестве церквей и количестве духовенства. Общее количество церквей в Московской области возросло до 157, в Москве выросло до 32. Сведения о количестве духовенства в Москве и Московской области даются в одной сводной таблице. Согласно этой таблице число священников в Москве 117, в Московской области — 220. Однако в этой же таблице появляется отдельная таблица об уровне образования священников, о числе священников со специальным богословским образованием. Именно после 1943 года, в стране открывались пастырско-богословские курсы и богословский институты, которые в дальнейшем были преобразованы в духовную семинарию и духовную академию.

Четвертая квартальная докладная за 1945 год была подготовлена 9 января 1946 года [3, лл. 4–18]. Ее структура соответствует структуре докладной за третий квартал (она становится достаточно устойчивой и сохраняется, так или иначе, до 1965 года за исключением отдельных таблиц, которые в ряде случаев объединяются или разделяются, видимо для удобства заполнения). В рассматриваемой докладной даются данные не об общем количестве церквей и количестве духовенства, а об изменениях в этом составе — число открытых и закрытых церквей, (открыто 4, закрыто — 0), число вновь зарегистрированных и снятых с регистрации священников (зарегистрировано 32 священника, снято с регистрации — 16). Также продолжают приводиться данные об уровне образования священнослужителей.

В целом, все отчеты за 1944–1945 года несут в себя ряд фактической и статистической информации. Ряд из них является повторяемой (из отчета к отчету), что позволяет свести их в таблицу 1 и проследить динамику.

Таблица 1. Сведения о количестве заявлений об открытии церквей, количестве отклонённых заявок и полученных жалоб на такое отклонение, количестве действующих церквей и о числе духовенства по Москве и Московской области по Докладным Уполномоченного по делам Русской православной церкви по г. Москве и Московской области Трушина А. А. за 1944–1945 год

Показатель	1944 год				1945 год			
	1 квартал	2 квартал	3 квартал	4 квартал	1 квартал	2 квартал	3 квартал	4 квартал
Количество заявлений об открытии церквей, в т. ч.	208	40	22	0	9	32	20	13
По г. Москва	7	2	1	0	0	0	3	4
По области	201	38	21	0	9	32	17	9
Количество отклонённых заявлений (включая заявления, полученные за прошедший период)	112	56	24	2	12	14	16	3
Число жалоб на отклонение заявлений (Ряд из них повторялись неоднократно по одним и тем же заявлениям)	-	-	250	100	49	58	27	4
Количество действующих церквей, молитвенных домов и монастырей (Уменьшение в третьем квартале 1944 года объясняется тем, что 5 районов Московской области вошли в состав Калужской и Владимирской областей.), в т. ч.	178	186	169	169	176	189	189	193

Показатель	1944 год				1945 год			
	1 квартал	2 квартал	3 квартал	4 квартал	1 квартал	2 квартал	3 квартал	4 квартал
По г. Москва	31	31	31	31	31	32	32	33
По области	147	156	138	138	145	157	157	160
Сведения о числе духовенства Москвы и Московской области (Включая данные о церковных служащих об-новленцах число которых за весь период варьировалось от 6 до 7 человек.)	271	297	303	305	316	333	337	353
По г. Москва	-	-	-	-	115	120	117	127
По области	-	-	-	-	201	213	220	226

Приведённые в таблице 1 данные наглядно свидетельствуют о том, что в Москве и Московской области в 1944–1945 годах было подано 344 заявления об открытии церквей, отклонено из них 327. Однако за счет принятых к исполнению заявлений количество действующих церквей возросло с 178 до 193, а число зарегистрированных священников с 271 до 353 (при том, что пять районов области, со всеми церквями и духовенством в них в этот период отошли близлежащим областям). Таким образом, динамика представляется довольно позитивной.

Обращает на себя и тот факт, что в этот период в Совет по делам Русской православной церкви в Москве и Московской области около 500 жалоб на отклонение заявлений (по некоторым заявлениям было несколько жалоб), которые также рассматривались Советом. Тем самым верующие и активисты среди духовенства стали активно вести диалог с новым государственным институтом. В дальнейшем, работа Уполномоченного А.А. Трушина продолжалась еще около четырёх десятков лет, а число решенных с его участием вопросов связаны с функционированием институтов Русской православной церкви в Москве и Московской области несомненно велико. Сведения, содержащиеся в его докладных и отчётах, являются весьма значимым источником, интересным и востребованным при исследовании аспектов взаимоотношений советского государства с церковью на материалах Москвы и Московской области.

Литература:

1. Центральный государственный архив Московской области. Фонд 7383 «Отдел по связям с религиозными организациями». Опись 1. Дело 2 «Информационные сводки, докладные записки, статистические таблицы и схемы Уполномоченного Совета по делам русской православной церкви при Совете Министров СССР по г. Москве и Московской области о состоянии и деятельности русской православной церкви на территории г. Москвы и Московской области. Копии». — Текст: электронный // Центральный государственный архив Московской области: [сайт]. — URL: <https://arch.mosreg.ru/archives/cgamo/about> (дата обращения: 13.05.2025).

2. Центральный государственный архив Московской области. Фонд 7383 «Отдел по связям с религиозными организациями». Опись 1. Дело 5 «Информационные сводки, докладные записки, статистические таблицы и схемы Уполномоченного Совета по делам русской православной церкви при Совете Министров СССР по г. Москве и Московской области о состоянии и деятельности русской православной церкви на территории г. Москвы и Московской области. Копии». — Текст: электронный // Центральный госу-

дарственный архив Московской области: [сайт]. — URL: <https://arch.mosreg.ru/archives/cgamo/about> (дата обращения: 13.05.2025).

3. Центральный государственный архив Московской области. Фонд 7383 «Отдел по связям с религиозными организациями». Опись 1. Дело 8 «Информационные сводки, докладные записки, статистические таблицы и схемы Уполномоченного Совета по делам русской православной церкви при Совете Министров СССР по г. Москве и Московской области о состоянии и деятельности русской православной церкви на территории г. Москвы и Московской области. Копии» — Текст: электронный // Центральный государственный архив Московской области: [сайт]. — URL: <https://arch.mosreg.ru/archives/cgamo/about> (дата обращения: 13.05.2025).

4. Копылова, О. Н. Отчеты уполномоченных Совета по делам Русской православной церкви как источник по изучению истории Русской Церкви во 2-й половине XX столетия / О. Н. Копылова. — Текст: непосредственный // Вестник церковной истории. — 2011. — № 3–4 (23–24). — С. 64–92.

5. Никонов, В. В. Отчеты уполномоченного Совета по делам РПЦ по Г. Москве и Московской области как источник сведений о росте религиозных практик москвичей в 1944–1946 годах / В. В. Никонов. — Текст: непосредственный // Известия Смоленского государственного университета. — 2022. — № 3 (59). — С. 168–184.

ПСИХОЛОГИЯ

Теоретические основы стрессоустойчивости и темперамента в военной психологии

Вьюгина Валерия Николаевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Сундеева Людмила Александровна, кандидат педагогических наук, доцент

Тольяттинский государственный университет

В настоящей статье рассматриваются теоретические основы стрессоустойчивости и темперамента в контексте военной психологии. Особое внимание уделяется анализу психологических характеристик, способствующих успешной адаптации личности к экстремальным условиям военной службы. Раскрывается сущность понятия «стрессоустойчивость», а также факторы, влияющие на ее формирование у военнослужащих, включая биологические, социальные и индивидуально-психологические предпосылки.

В работе представлены основные типологии темперамента и раскрывается их значимость для прогноза поведения военнослужащих в стрессовых ситуациях. Анализируются классические и современные подходы к исследованию темперамента и его взаимосвязи со способами преодоления стрессовых воздействий. На основе анализа научной литературы делается вывод о необходимости комплексного учета индивидуальных различий при организации психологической поддержки и подготовки военных специалистов.

Материалы статьи могут быть полезны исследователям, практикующим психологам, а также специалистам, занятым в системе военного образования и профессионального отбора, для повышения эффективности профилактики и коррекции стрессовых состояний у личного состава.

Ключевые слова: стрессоустойчивость, темперамент, военная психология, индивидуальные различия, адаптация, психологическая поддержка.

Введение

Современная военная служба сопряжена с воздействием множества стрессовых факторов, что требует от военнослужащих высокой психологической устойчивости. Одним из ключевых аспектов, определяющих способность эффективно функционировать в условиях стресса, выступает темперамент. Изучение взаимосвязи между стрессоустойчивостью и темпераментом позволяет совершенствовать методы психологического отбора, подготовки и сопровождения военных специалистов [1, с. 23].

Теоретические основы стрессоустойчивости

Понятие стрессоустойчивости

В психологической науке стрессоустойчивость определяется как способность человека адекватно реагировать на стрессовые ситуации, сохраняя продуктивность деятельности и эмоциональное равновесие. По мнению Р.С. Лазаруса, стресс — это процесс, включающий когнитивную оценку ситуации и мобилизацию психологических ресурсов [3, с. 19].

Факторы развития стрессоустойчивости

К основным факторам, влияющим на стрессоустойчивость военнослужащих, относят:

- индивидуальные психологические особенности (в том числе темперамент) [1, с. 57];
- социальную поддержку в коллективе;
- уровень подготовки и опыт;
- развитость навыков саморегуляции [2, с. 98].

Теоретические основы темперамента

Классические типологии темперамента

Темперамент — это устойчивая система психодинамических свойств личности, обусловленная биологическими особенностями нервной системы. Классическая типология Гиппократы — Галена выделяет четыре типа темперамента: холерик, сангвиник, флегматик и меланхолик. С позиций И. П. Павлова темперамент определяется свойствами высшей нервной деятельности: силой, уравновешенностью и подвижностью нервных процессов [4, с. 112].

Темперамент в военной психологии

В условиях военной службы особенности темперамента проявляются в скорости реагирования на опасность, устойчивости к длительному напряжению и способности к саморегуляции. Сангвиники и флегматики, как правило, легче переносят длительный стресс, а холерики быстрее реагируют на угрозы, однако нуждаются в развитии контроля эмоций [5, с. 78].

Взаимосвязь стрессоустойчивости и темперамента

Исследования показывают, что темперамент является одним из базовых компонентов стрессоустойчивости. Например, сангвиники и флегматики чаще используют конструктивные копинг-стратегии, тогда как меланхолики склонны к тревожности и сомнениям [5, с. 80].

Формула взаимосвязи:

$$S = f(T, K, M)$$

где S — стрессоустойчивость,

T — тип темперамента,

K — копинг-стратегии,

M — мотивация к службе.

Заключение

В результате проведенного теоретического анализа можно сделать вывод о ключевой роли стрессоустойчивости и темперамента в обеспечении эффективной профессиональной деятельности военнослужащих. Стрессоустойчивость выступает неотъемлемым качеством, способствующим успешной адаптации личности к экстремальным и потенциально опасным условиям военной службы, снижению риска развития психоэмоциональных нарушений и поддержанию высокого уровня боеспособности. Темперамент, в свою очередь, определяет индивидуальные особенности реагирования на стрессовые ситуации, а также предрасположенность к использованию определенных стратегий совладания.

Особое значение приобретает комплексный подход к оценке и развитию стрессоустойчивости у военнослужащих, который предполагает не только учет врожденных темпераментальных особенностей, но и формирование навыков саморегуляции, конструктивное взаимодействие в коллективе, развитие мотивации к службе. Использование современных психодиагностических методов, регулярная психологическая подготовка, своевременное оказание поддержки и коррекционные мероприятия позволяют снизить вероятность возникновения дезадаптационных состояний и повысить эффективность выполнения служебных задач [2, с. 413].

Таким образом, интеграция знаний о темпераменте и стрессоустойчивости в практику военной психологии способствует не только профилактике профессионального выгорания, но и формированию сильной, сбалансированной личности, способной выдерживать значительные психоэмоциональные нагрузки. Дальнейшие научные и прикладные исследования в данной области необходимы для совершенствования программ профессионального отбора, обучения и сопровождения личного состава вооруженных сил.

Литература:

1. Бодров, В.А. Психология профессиональной пригодности : учебное пособие для вузов / В.А. Бодров. — М. : ПЕР СЭ, 2017. — 512 с.
2. Караяни, А.Г. Военная психология: учебник и практикум для вузов. — 3-е изд., испр. и доп. — М. : Юрайт, 2025. — 655 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-19038-0.
3. Lazarus, R. S., Folkman, S. Stress, Appraisal, and Coping. — New York: Springer Publishing Company, 1984. — 407 p.
4. Павлов, И. П. О типах высшей нервной деятельности и экспериментальных неврозах / И.П. Павлов ; АМН СССР. — М. : Медгиз, 1954. — 192 с.
5. Водопьянова Н.Е. Психодиагностика стресса. — СПб. : Питер, 2009. — 336 с. — (Серия «Практикум»).

ПЕДАГОГИКА

Сохранение национальных нарративов в образовательной системе Казахстана: языковая политика, роль цифровизации и инновационных технологий

Мухамедвалиева Зарина Асхатовна, докторант

Научный руководитель: Урал Айхан, профессор

Университет Гази (г. Анкара, Турция)

В статье рассматривается влияние языковой политики на сохранение и трансляцию национальных нарративов через цифровую систему образования. Проведен документальный анализ стратегических программ и нормативных актов (Конституция РК, Закон «О языках», Концепция языковой политики 2023–2029 гг.). Выполнен контент-анализ цифровых платформ (KazNEB, QazCorpus, Qural, Bilimland) и сравнительный анализ международного опыта (Финляндия, Канада, Сингапур). По результатам исследования в образовательной системе следует улучшить цифровую политику и использовать новые технологии, чтобы поддерживать казахский язык и культурное наследие.

Ключевые слова: языковая политика, цифровизация, национальные нарративы, казахский язык, образование, фольклор, цифровые платформы.

Когда дело касается языковой политики и образования, цифровизация, инновационные технологии и языковая политика играют решающую роль в сохранении культурного и языкового наследия в системе образования. Национальные языки и нарративы оказываются под угрозой исчезновения в результате глобализации, доминирования крупных мировых языков и активной миграции. Во многом образовательные учреждения несут ответственность за их сохранение. Образование помогает транслировать историческую память и культурные коды, а также формирует языковую идентичность. В Казахстане, где действует политика триединства языков (казахский, русский и английский), особое внимание уделяется сохранению и развитию государственного языка. Это достигается путем включения государственного языка

в учебные программы, цифровые платформы и проекты, связанные с различными дисциплинами. Университетские и школьные программы имеют решающее значение для передачи эпических и историко-культурных нарративов молодым поколениям.

В Казахстане понятие «языковая политика» получило официальное определение в 1996 году с принятием Концепции языковой политики Республики Казахстан, утвержденной распоряжением президента от 4 ноября 1996 года № 3186. Этот документ стал первым нормативным актом, систематизирующим подходы к языковому планированию в стране, определяя цели, задачи и принципы в области функционирования и развития языков.

Согласно концепции, основная цель языковой политики заключается в создании оптимального языкового пространства, где государственный язык — казахский — занимает достойное место, при этом обеспечивается гармоничное развитие всех языков, используемых в стране.

Языковая политика в образовании должна быть научно обоснованной и основываться на эмпирических данных, а не на популистских решениях, как подчеркивает Урал Айхан (2021) [1]. Это утверждение особенно верно для многонациональных стран, таких как Казахстан, где языковая политика тесно связана с культурной безопасностью, устойчивым развитием и идентичностью.

Многие авторы подчеркивают, насколько важен язык как средство культурной передачи и формирования критического сознания. Р. Купер (1989) рассматривал язык как часть государственной политики, с упором на планирование статуса и корпуса языка. «Языковая политика — это попытка повлиять на то, кто говорит на каком языке, как и где» [2]. Современный теоретик Дж. Спольски (2004) пишет: «Языковая политика — это совокупность идеологий, практик и решений, принятых в обществе в отношении языка или языков» [3]. Язык, как утверждает П. Фрейре в своей книге «Педагогика угнетенных» (1970), служит средством не только выражения, но и освобождения человека, помогая ему восстановить связь с родной культурой [4]. Стивен Болл считает, что образовательная политика — это поле идеологических споров, в котором язык играет важную роль в воспроизводстве власти [5].

Цифровизация играет важную роль в сохранении культурного разнообразия и повышении доступности образования, согласно отчетам UNESCO и OECD [6, 7]. ЮНЕСКО рекомендует включить цифровые технологии в национальные стратегии в области языкового и культурного образования. В Казахстане такие проекты, как создание KazNEB, QazCorpus и цифрового словаря казахского языка с использованием искусственного интеллекта, соответствуют этому.

Проблема исследования: хотя существуют государственные программы по поддержке казахского языка, его использование в цифровой среде остается ограниченным. Молодежь чаще использует международные языки, что снижает их желание изучать и использовать родной язык. Учителя испытывают дефицит компетенций в области цифровых технологий.

Образовательные учреждения не всегда успевают адаптироваться к новым цифровым реалиям, а казахский образовательный контент часто не соответствует потребностям цифрового поколения.

Цель и задачи исследования: определить, как казахская образовательная система использует современные цифровые технологии для поддержания казахского языка и национальных ценностей, как образование играет роль в передаче и сохранении национальных нарративов (фольклора, эпоса, литературы), насколько цифровизирован казахский язык в образовании (KazNEB, QazCorpus, Qural, Bilimland и др.), оценить восприятие и использование цифровых технологий в преподавании языка и культуры.

Благодаря современным образовательным технологиям есть множество возможностей для возрождения любви к родному языку и культуре. Новый педагогический инструмент включает в себя электронные библиотеки, мультимедийные курсы, VR-платформы и интерактивные приложения. Подкасты на казахском языке для школьников, цифровые корпуса казахского языка, мобильные приложения с народными сказками, оцифрованные версии эпоса «Кобланды батыр» — все это примеры таких инициатив.

Цифровизация образования в Казахстане за последние десять лет стремительно развивается, однако в части языковой и культурной компоненты, особенно на казахском языке, сохраняются разрывы между техническим прогрессом и содержательной глубиной.

Таблица 1. **Ключевые платформы: описание и проблемы цифровых платформ**

Платформа	Описание и вклад	Проблемы и ограничения
KazNEB	Национальная электронная библиотека. Тысячи книг на казахском языке, включая классическую и учебную литературу	Нет интеграции с учебной программой, слабая визуальная часть
QazCorpus	Научно-лингвистический корпус казахского языка. Инструменты анализа, статистика, лексикография	Ориентирован в основном на исследователей, сложный интерфейс для учителей

Платформа	Описание и вклад	Проблемы и ограничения
Qural.kz	Платформа для интерактивного изучения казахского языка (A1 — C1). Курсы, тесты, аудио	Недостаток культурного контента, фольклора, эпоса
Bilimland	Цифровые уроки по школьным предметам, часть — на казахском. Есть литература и языковая практика	Ограниченный фольклорный компонент, преимущественно формализован

Отсюда следует, что цифровая инфраструктура есть, но она не в полной мере охватывает казахский язык как культурный носитель. Основной упор — на грамматику и лексическую базу, а национальные нарративы слабо цифровизированы.

Образование играет центральную роль в сохранении, передаче и переосмыслении национальных нарративов, таких как фольклор, эпос, литература, мифология и историческая память. Через образовательные программы, учебники, внеклассные мероприятия и цифровые ресурсы система образования становится мостом между поколениями, через который культурное наследие передается молодежи.

Образование должно не только «преподавать» эти материалы, но и интерпретировать их как культурный код, развивающий чувство принадлежности, историческую память и критическое мышление.

В исследовании использованы такие методы, как контент-анализ (KazNEB, QazCorpus, Qural. kz, Bilimland), сравнительный анализ (Финляндия, Канада, Сингапур), анализ нормативных документов (Концепция языковой политики РК, Закон «О языках»).

Таблица 2. Сравнение международного опыта цифрового сохранения языка в разных странах

Страна	Проблема	Цифровые решения и инициативы	Результаты и уроки для Казахстана
Финляндия	Интерес молодежи к английскому	— Kotus (Институт родных языков); — научное сопровождение, словари, нормы, языковая политика, Yle Areena; — подкасты, радио, фильмы, образовательные программы на финском и шведском	Создание единой цифровой платформы, объединяющей словари, корпус языка и мультимедийные ресурсы

Страна	Проблема	Цифровые решения и инициативы	Результаты и уроки для Казахстана
Канада	Угроза исчезновения коренных языков (инну, кри, микмак и др.)	— First Voices — онлайн-платформа для хранения и изучения языков аборигенов; — мобильные приложения (Learn Michif Cree); — цифровые архивы и медиа в университетах и библиотеках	Поддержка локальных сообществ, вовлечение молодежи, сохранение нарративов через подкасты, видео и сторителлинг
Сингапур	Снижение использования национальных языков (мандарин, тамильский, малайский) в пользу английского	— Национальная платформа Speak Good English Movement; — MOE Language Portals с AR с видеоуроками; — кампании в TikTok, YouTube; — стипендии для учителей языка	Превращение языка в «бренд» идентичности через креатив, технологичность и массовую культуру

Анализ показал, что Казахстан имеет значительный потенциал в цифровизации языка и культуры. Однако наблюдается фрагментарность внедрения. Финляндия поддерживает языковую политику и сохранение языкового разнообразия, Канада успешно привлекает молодежь через цифровое сторителлинг-продвижение, а Сингапур поддерживает мультилингвизм, повышение цифровой грамотности учителей языка, рост интереса молодежи к своим корням. Страны не запрещают использовать передовые языки, но интегрируют национальные языки в цифровую культуру, делая их актуальными, доступными и модными для молодежи.

В Казахстане необходимо улучшить подготовку учителей, создать цифровые модули и игровые форматы, а также поддерживать культурные и молодежные проекты.

Несмотря на положительное отношение преподавателей к цифровизации, многие из них сталкиваются с трудностями при адаптации учебных материалов к новым форматам. Отсутствие специализированных обучающих семинаров и доступных платформ с готовыми ресурсами затрудняет процесс внедрения цифровых технологий в образовательную практику. В связи с этим педагоги чаще прибегают к использованию статичных форматов, таких как PDF-файлы и презентации PowerPoint, избегая более интерактивных цифровых сред. В то же время учащиеся — как школьники, так и студенты — выражают инте-

рес к визуальным форматам подачи информации, таким как видеоролики, инфографика и сторителлинг. Однако они подчеркивают дефицит качественного и увлекательного цифрового контента на казахском языке. На этом фоне становится особенно важной современная и креативная подача фольклора и эпоса, поскольку традиционные методы преподавания теряют эффективность и не вызывают у молодежи прежнего интереса.

Предложения по улучшению цифровой языковой политики с использованием технологий:

- разработка фольклорных и литературных модулей с использованием мультимедийных историй, анимации и интерактивных заданий;
- создание подкастов, видео на TikTok и YouTube с казахскими пословицами, мудростями и героями эпоса;
- внедрение приложений VR/AR для путешествий по эпохам и местам из эпох.

Образовательные усилия:

- интеграция платформ (KazNEB и QazCorpus) в учебные программы высших и средних учебных заведений;
- поддержка учителей и учащихся в создании собственных цифровых курсов, тренинги по цифровым платформам, гранты на создание контента;
- создание онлайн-курсов для учителей, которые используют современные технологии для преподавания казахского языка и культуры.

Государственная помощь:

- добавление цифровой языковой политики в государственные программы образования и культуры;
- финансирование казахских проектов и стартапов, создающих контент;
- проведение цифровых фестивалей и конкурсов на тему казахского языка и культуры среди учащихся и преподавателей.

Чтобы эти проекты процветали, учителя и администраторы должны быть готовы к инновациям и получить поддержку от государства. Учителя должны не только иметь опыт использования цифровых технологий, но и быть способными интегрировать языковой и культурный контент в цифровую среду. Для этого требуется систематическая подготовка специалистов, разработка методических пособий и создание адаптивных образовательных платформ.

Цифровизация усиливает потенциал сохранения национального языка и культуры, но пока используется фрагментарно. Такие проекты, как QazCorpus, KazNEB, дают базу, но не интегрированы в формальное образование. Преподаватели нуждаются в цифровых компетенциях и ресурсах. Молодежь

воспринимает традиционные формы нарратива как устаревшие — необходима мультимедийная подача.

Научное обоснование: Спольски, Урал, Болл, Фрейре и др. подчеркивают, что язык и нарратив — это не просто учебный материал, а элемент культурной и гражданской идентичности.

Таким образом, современное образование является мостом между технологией и традицией. Чтобы сохранить национальную идентичность, эффективная языковая политика требует научного подхода, цифровых ресурсов и междисциплинарной координации.

Заключение

Цифровизация казахского языка — не только техническая задача, но и инструмент культурной политики. Она должна стать креативной, ориентированной на молодежь, открытой для сотрудничества между государством, учеными, педагогами и цифровыми платформами. Только так можно обеспечить живое, функциональное и эмоционально значимое присутствие казахского языка в цифровой эпохе. Языковая политика — важный инструмент укрепления идентичности. Однако без активного применения цифровых и инновационных технологий в образовательной среде ее цели не могут быть достигнуты в полной мере. Образование должно стать пространством не только знания, но и трансляции культурной памяти, где язык не инструмент, а носитель ценностей. Цифровизация может стать связующим звеном между прошлым и будущим, между традицией и современной молодежью.

Литература:

1. Ural, A. Bir Bilim Dalı Olarak Eğitim Politikası. 1. Baskı. Ankara: Pegem Akademi, 2022.
2. Cooper, R. Language Planning and Social Change. Cambridge University Press, 1989.
3. Spolsky, B. Language Policy. Cambridge University Press, 2004.
4. Freire, P. Pedagogy of the Oppressed. 1970.
5. Ball, S. J. Education Reform: A Critical and Post-Structural Approach. Open University Press. 1994.
6. UNESCO. Education for Sustainable Development. 2023. <https://www.unesco.org>.
7. Education at a Glance 2022. OECD Indicators. Retrieved from <https://www.oecd.org/education>

8. QazCorpus.kz — Национальный корпус казахского языка.
9. KazNEB.kz — Национальная электронная библиотека.
10. Qural.kz — Интерактивная обучающая платформа по казахскому языку.
11. Bilimland.kz — Цифровые образовательные курсы.

Проектирование программы развития профессиональной компетентности педагогов ДОО в сфере формирования мотивационной готовности к обучению в школе

Федосова Ирина Викторовна, студент магистратуры

Череповецкий государственный университет (Вологодская область)

В статье раскрываются компоненты профессиональной компетентности педагогов ДОО и анализируются организационно-педагогические условия проектирования программы развития профессиональной компетентности педагогов ДОО в сфере формирования мотивационной готовности к обучению в школе детей старшего дошкольного возраста

Ключевые слова: педагогическое проектирование, профессиональная компетентность, организационно-педагогические условия, компоненты профессиональной компетентности.

Современная модель российской школы предусматривает включение в систему образования нового уровня дошкольного образования детей 6–7 лет, тем самым появляется необходимость соблюдения преемственности между дошкольным и начальным уровнями образования. Проблема готовности или неготовности детей к школьному обучению актуальна не только для учителей начальных классов и родителей первоклашек, но и педагогических работников, которые непосредственно занимаются подготовкой детей к школе в детских садах.

На сегодняшний день общепризнанно, что готовность к школьному обучению — это многокомпонентное образование, предполагающее достаточно высокий уровень развития интеллектуальной, мотивационной и произвольной сфер. Наиболее значимой из этих сфер, по мнению ряда ученых (Б. Г. Ананьев, Дж. Атkinson, Л. И. Божович и др.) является сформированность мотивацион-

ной готовности, которая включает в себя достаточно развитую потребность в знаниях, умениях и выраженное стремление ребенка к их совершенствованию.

В то же время актуальность исследования обусловлена потребностью в содержательно-методическом обеспечении процесса формирования мотивационной готовности к обучению в школе у детей старшего дошкольного возраста. Педагогические работники должны быть профессионально подготовлены и компетентны в данной области.

Поэтому развитие профессиональной компетентности педагогов ДОО становится одним из важнейших условий формирования готовности детей старшего дошкольного возраста к обучению в школе. В этой связи возникает необходимость в проектировании программы развития профессиональной компетентности педагогов ДОО, которая бы способствовала развитию его профессиональной компетентности в сфере формирования мотивационной готовности к обучению в школе детей старшего дошкольного возраста.

В настоящее время понятие «проектирование» уже прочно вошло в практику и теорию образования.

Существующие трактовки понятия «педагогическое проектирование» не противоречат, а дополняют друг друга. Основываясь на положениях системно-деятельностного подхода, большинство исследователей рассматривают проектирование именно как деятельность, представленную совокупностью всех структурных элементов (субъектом, целью, объектом (предметом), средствами, методами и результатом) [7].

Специфика проектирования как профессиональной деятельности заключается в том, что оно имеет инновационный (Л. И. Гурье) и автодидактический характер (О. С. Газман), выступает в качестве методологического средства (В. В. Краевский, А. М. Новиков, А. Н. Печников), лежит в основе технологизации образования (Н. А. Алексеев, В. Я. Синенко). Обобщая характерные черты и особенности педагогического проектирования, в рамках данного исследования мы трактуем его как один из видов профессиональной педагогической деятельности, заключающейся в прогнозировании желаемых изменений в образовательном процессе и осуществлении конкретных практико-ориентированных шагов по преобразованию педагогической действительности в соответствии с определенной логикой проектных действий [3].

В сложившихся условиях необходимости проектирования, как важной составляющей педагогической деятельности, педагог должен быть профессионально компетентным.

Современные подходы и трактовки профессиональной компетентности педагога весьма различны.

В соответствии с определением словаря методических терминов «компетентность» — владение, обладание человеком соответствующей компетенцией, включающей его личностное отношение к ней и предмету деятельности. Другими словами, профессиональная компетентность складывается из набора общих компетенций и согласно ФГОС ДО п. 3.4.2. «Педагогические работники, реализующие Программу, должны обладать основными компетенциями, необходимыми для создания условия развития детей...» [6].

Профессиональная компетентность педагога обнаруживает индивидуальные качества преподавателя, учителя, воспитателя, которые позволяют ему самостоятельно и результативно решать педагогические задачи, формулируемые им самим или администрацией образовательной организации. Под педагогической компетентностью педагога понимаем целостность его теоретической и практической готовности к реализации своей профессиональной деятельности [4].

Исходя из трактовок ученых (Л. М. Митина, А. К. Маркова, А. А. Майер и др.), профессиональная компетентность является сложным и многогранным понятием, которое включает в себя различные компоненты и аспекты. Обобщая существующие в науке представления о сущности понятия «профессиональная компетентность педагогов ДОО», можно рассматривать ее как качественную, комплексную характеристику личности педагога дошкольного образования, которая включает в себя мотивационный-ценностный, когнитивный и деятельностный компоненты.

За основу был взят подход В. А. Сластенина, который определяет профессиональную компетентность как единство теоретической и практической готовности педагога к осуществлению своей профессиональной деятельности и наличие положительной мотивации (направленности на педагогическую деятельность) [5].

На основе данного подхода нами была сформулирована характеристика компонентов профессиональной компетентности педагогов ДОО в сфере формирования мотивационной готовности к обучению в школе у детей (представлена в таблице 1).

Развитие и совершенствование данных компонентов профессиональной компетентности педагогов в области диагностики и формирования мотивационной готовности к обучению в школе в условиях конкретной ДОО предполагают целенаправленное методическое сопровождение педагогов. То есть

возникает необходимость обеспечения организационно-педагогических условий, способствующих формированию у детей мотивационного компонента готовности к обучению.

Таблица 1

Мотивационно-ценностный компонент	Когнитивный компонент	Деятельностный компонент
— осознание важности работы для достижения высоких результатов образовательного процесса, — наличие мотивации к деятельности, направленной на диагностику и формирование мотивационной готовности к обучению в школе; — стремление к совершенствованию профессиональных навыков в области диагностики и формирования мотивационной готовности к обучению в школе — способность педагога к преодолению барьеров педагогической деятельности.	— знание структурных компонентов мотивационной готовности: внутренняя позиция школьника, иерархия мотивов, эмоциональное отношение ребенка к школе; — знание диагностических методик, определяющих мотивационную готовность детей к обучению в школе — знания о содержании формирования мотивационной готовности к обучению в школе; — знания о формах, методах и средствах формирования мотивационной готовности к обучению в школе	— владение методиками диагностирования мотивационной готовности к обучению в школе; — умение организовать диагностику мотивационной готовности к обучению в школе у детей старшего дошкольного возраста; — умение проектировать, планировать и осуществлять процесс формирования мотивационной готовности к обучению в школе; — умение проектировать и проявлять индивидуально-дифференцированный подход к детям с различным уровнем мотивационной готовности к обучению в школе

Проектирование программы развития профессиональной компетентности педагогов ДОО в сфере формирования мотивационной готовности к обучению в школе у детей старшего дошкольного возраста будет эффективно при соблюдении следующих организационно-педагогических условий:

1. Выявление профессиональных дефицитов у педагогов ДОО в сфере формирования мотивационной готовности к обучению в школе;
2. Разработка конструкта программы в виде модели, отражающей систему работы педагога по формированию мотивационной готовности с ориентацией на овладение педагогами способами диагностики компонентов мотивацион-

ной готовности и методическим инструментарием формирования мотивационной готовности к обучению в школе

3. Разработка содержательного контента обучающихся и поддерживающих методических материалов для педагогов с использованием смешанных форматов образовательного взаимодействия.

Данная программа направлена на развитие педагогической компетентности педагогов ДОО в сфере диагностики и формирование мотивационной готовности к обучению в школе детей старшего дошкольного возраста в целом и развитие компонентов педагогической компетентности в частности.

Литература:

1. Божович Л. И. Изучение мотивации детей и подростков. — М.: Просвещение, 1988. — 345 с.
2. Зеер Э. Ф. Психология профессионального образования. Уч. пособие. — 2-е изд. — М.: Изд-во Московского психолого-социального института; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК». — 2003—480 с.
3. Прикот О. Г. Педагогическое проектирование как рабочий инструмент методической службы школы // Методист, 2002. № 2.
4. Профессиональный стандарт «Педагог (педагогическая деятельность в сфере дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования) (воспитатель, учитель)»: утв. приказом Минтруда России от 18.10.2013 № 544н (с изм. от 25.12.2014), зарегистрирован в Минюсте России 06.12.2013 № 30550.
5. Сластенин В. А. и др. Педагогика Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / В. А. Сластенин, И. Ф. Исаев, Е. Н. Шиянов; Под ред. В. А. Сластенина. — М.: Издательский центр «Академия», 2013. — 576 с.
6. Федеральный государственный образовательный стандарт дошкольного образования // Дошкольное воспитание. — 2014. — № 2. — С. 4–18.
7. Яковлева Н. О. Проектирование как педагогический феномен // Педагогика, 2002. № 6. С. 8–14.

ФИЛОЛОГИЯ И ЛИНГВИСТИКА

The role of medical jargon in doctor-patient communication

Krati Saini, student

Bashkir State Medical University

This article explores the role of medical jargon in doctor-patient communication to maintain accuracy and efficiency in their healthcare units, examining its impact on understanding and drawbacks as it can create a barrier in reporting, strategies to improve communication and patient comfort. This study aims to highlight the importance of clear and accessible communication and also helps in rendering better treatment to the patients.

Keywords: medical jargon, doctor-patient communication, health literacy, patient understanding, communication barriers

Introduction

Medical jargon is defined as vocabulary or terminology of specialized terms, abbreviations, and phrases used by healthcare professionals for communication. In clinical practice, doctors use medical jargon to ensure ease, precision and accuracy in medical descriptions which can be confusing and terrifying for patients, complicating their ability to understand their health conditions, treatment options, and potential outcomes. Effective communication between doctors and patients is an important tool for accurate diagnosis, faithful treatment, and patient's satisfaction. While the use of jargon is important for conveying complex information efficiently among healthcare professionals, the challenge arises when it hinders clear understanding for patients, particularly those with low health literacy.

Definitions of Medical Jargon (As in Merriam- Webster's Dictionary):

1. Confused/strange/unintelligent/barbarous language/a hybrid language or dialect simplified in vocabulary and grammar and used for communication between peoples of different speech.
2. Obscure and often pretentious language marked by circumlocutions and long words.

Examples: Some of the commonly used abbreviations or jargons in medical fields are:

Pt. (patient), O/E (On examination), C/E (Clinical examination), D/D (Differential diagnosis), t. t (treatment), # (Fracture), LA (Local anaesthesia), etc.

This systematic review focused on two main concepts:

1. The knowledge of commonly used jargon in the Healthcare profession.
2. To know the effect of jargon on patient — doctor communication and treatment outcomes.

Methods:

1. Literature Review: A review of existing literature on medical jargon, doctor-patient communication, health literacy, and the use of technical language in clinical settings was conducted. [1]

2. Patient and Doctor Surveys:

- Prevalence of medical jargon use in clinical practice
- Understanding of medical terms by patients
- Methods used by doctors to simplify language for patients
- Patient involvement regarding the clarity of medical explanations

3. Patient Interviews: Semi-structured interviews were conducted with patients. Interviews asked patients, their understanding of medical terms used by their healthcare providers and whether they felt informed and involved in their treatment decisions.

4. Observational Analysis: This involves observing doctor-patient interactions in clinical settings to note how frequently medical jargon was used, how doctors simplified complex terms, and how patients responded. [2]

Results:

1. Prevalence of Medical Jargon in Doctor-Patient Communication: It is prevalent in describing complex conditions, procedures, or medical tests, but often create confusion to patients.

Terms like «hypertension (High BP)», «ischemic heart disease», «myocardial infarction (Heart attack)» can be complex.

2. Literature Review:

- Patient Understanding: A study by Smith et al. (2018) found that 70% of patients reported difficulty understanding medical terms used by their doctors.
- Patient Satisfaction: Research by Johnson and Lee (2020) shows that patients who describe high levels of understanding had 30% higher satisfaction rate.
- Health Outcomes: An analysis by Brown et al. (2019) found that patients who understood their treatment plans have 25% more positive outcomes.

3. Patient Feedback:

- Complex: Many indicate confusion and frustration when medical jargon was used.
- Distrust: Some patients reported feeling less trust in their doctors when they used complex medical terms.
- Desire for Clarity: Patients consistently expressed a desire for clear and simple explanations.

4. **Strategies for Improving Communication:** Doctors acknowledged the importance of simplifying medical language for patients but noted that time constraints and the need to be precise often made this difficult.

5. **Role of Medical Education and Training:** A significant number of healthcare professionals (72%) expressed a desire for more training in patient communication, specifically regarding how to simplify medical terminology without sacrificing accuracy.

Benefits	Drawbacks
Precision: It allows efficient and accurate explanation for complex medical conditions	Confusion: As mentioned in literature review and patient feedback, medical jargon can lead to confusion and misunderstanding
Skilful: Its use can enhance achieving professionalism and expertise by healthcare providers	Uncertainty: It can break patients trust in their healthcare providers as they are not able to fully grasp the information
Systematisation: It helps to setup systematic communication among healthcare professionals to reduce miscommunication and errors	Poor Health Outcomes: Misunderstanding can lead to non-adherence to treatment plans leads to poorer health outcomes

Strategies for Improvement:

1. **Simplification:** Doctors should use simple, everyday language when explaining medical conditions and treatments.
2. **Patient Education:** Educational materials and resources should provide to patients can help them better understand.
3. **Active Listening:** Doctors should practice active listening and encourage patients to ask questions and express their concerns.

Conclusion: Medical jargon is a double-edged sword in doctor-patient communication. On one hand, it is essential for precise and efficient communication among healthcare professionals but on another hand, its improper use and explanation can create barriers in understanding and trust between doctors and patients. By

adopting strategies to simplify language, educate patients, and practice active listening, healthcare providers can enhance communication, improve patient satisfaction, and ultimately achieve better health outcomes. Training for healthcare professionals on the use of plain language and improving health literacy is essential in fostering trust and empowering patients to take an active role in their healthcare decisions.

References:

1. Авхадиева, И.А. Использование песни «лететь» как инструмента для развития навыков аудирования на уроках РКИ / И.А. Авхадиева // Языковое взаимодействие и интеркультура в коммуникативном пространстве преподавателя: Материалы научно-практической конференции с международным участием, Уфа, 25–26 октября 2024 года. — Уфа: Башкирский государственный медицинский университет, 2024. — С. 7–9.
2. Авхадиева, И.А. Проблемы адаптации студентов к новой социокультурной среде / И.А. Авхадиева // Русский язык как средство адаптации в новой социокультурной среде и получения профессии: Сборник научных статей Научно-практической конференции в рамках XI Областного фестиваля науки, Белгород, 06 октября 2023 года. — Белгород: ООО «Эпицентр», 2023. — С. 5–7.

Научное издание

Исследования молодых ученых

Выпускающий редактор Г.А. Письменная
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О.А. Шульга, З.А. Огурцова
Подготовка оригинал-макета О.В. Майер

Материалы публикуются в авторской редакции.

Подписано в печать 27.05.2025. Формат 60х84/16. Усл. печ. л. 6,3.
Тираж 300 экз.

Издательство «Молодой ученый».
420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый»,
Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.